Разные судьбы

Леонид Давыдович Луков, кинорежиссер и сценарист, народный артист РСФСР родился в 1909 году в г. Мариуполе. Там же окончил начальную школу. Работая на заводе, принимал деятельное участие в спектаклях местного драматического кружка, был членом заводского литкружка, сотрудничал в местной газете, позднее был собственным корреспондентом газеты «Комсомолец Украины».

С юношеских лет Л. Луков начал увлекаться кинематографом. Чтобы иметь возможность видеть все фильмы, он по вечерам бесплатно выполнял обязанности киномеханика.

В 1927 году он написал свой первый сценарий. Режиссер А. Лундин поставил по этому сценарию на Киевской студии детский фильм «Ванька и мститель».

В 1928 году Л. Луков в Харькове поставил свой первый фильм «Накипь». В Харькове же им были поставлены фильмы «Путь побед» и «Родина моя — комсомол». В 1930 году он приглашается на Киевскую киностудию, где и ставит фильмы (немые): «Борьба продолжается», «Итальянка» и «Эшелон №...»; (звуковые): «Я люблю», «Большая жизнь» (1-я серия), «Александр Пархоменко», «Два бойца». На Московскую студию им. Горького Л. Луков пришел уже опытным режиссером. Здесь он поставил такие фильмы, как «Это было в Донбассе», «Донецкие шахтеры», «Александр Матросов», «Васса Железнова», «Об этом забывать нельзя», «К новому берегу», «Разные судьбы» и др.

Занимаясь постановкой картин, Л. Луков не бросает и работу сценариста. Он принимал участие в создании сценариев «К новому берегу», «Олеко Дундич».

Сценарии «Об этом забывать нельзя», «Разные судьбы» и пьеса «Опасная игра» написаны Л. Луковым совместно с драматургом Я. Смоляком.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Леонид Луков, Яков Смоляк

Разные судьбы

Государственное издательство

«ИСКУССТВО»

Москва 1957

Леонид Давыдович Луков, Яков Владимирович Смоляк

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Редактор *А. Г. Назарова*. Художник-оформитель *Г. Г. Федоров*
Худож. редактор *Э. Э. Ринчино*, Техн. редактор *Л. А. Иванова*
Корректор *З. Д. Гинзбург*

Сдано в набор 28/III 57 г. Подп. к печ. 27/IV 57 г.
Формат бумаги 70×92¹/₃₂. Печ. л. 4,375 (условных 5,12)
Уч.-изд. л. 4,763. Тираж 8 000. «Искусство», Москва, И-51,
Цветной бульвар, 25. Изд. № 15155. Заказ 290. Ш-03668.
Цена 2 р. 65 к.

20-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52

... Выпускной вечер. Школьный бал.

В большом зале собрались выпускники, их родители, педагоги, гости.

Гремит оркестр. Пары кружатся в вальсе, напевая на мотив этого же вальса песню выпускников.

Над головами танцующих, сверкая всеми цветами радуги, реют воздушные шарики: синие, желтые, красные...

Серпантин. Конфетти. Смех. Шутки. Веселое оживление...

Разноцветные лучи прожекторов скользят по радостно возбужденным лицам.

Здесь впервые мы знакомимся с будущими героями нашего повествования.

К большому — во всю стену — зеркалу подбегает стройная девушка в светлом платье и светлых туфлях на высоких каблучках. У нее голубые с лукавинкой глаза, освещающие тонкие черты свежего, открытого лица. Каштановые волосы заплетены в косички.

Таня Огнева — так зовут девушку — весело оглядывает себя в зеркале, удовлетворенно улыбается.

К ней подходит ее школьный товарищ — Федя Морозов, высокий, подтянутый юноша с пружинистой походкой физкультурника. У него мечтательные глаза, застенчивая улыбка и копна золотистых волос на голове. Федя — под стать Тане: такой же красивый и юный.

Они кружатся в вальсе и поют вместе с остальными танцующими.

Мы слышим слова, исполненные для них особого значения:

Ты надела праздничное платьице,
В нем сейчас ты взрослая вполне,
Лишь вчера была ты одноклассницей,
А сегодня кем ты станешь мне?..

Песня нарастает, ширится.

И мы видим, как, напряженно кого-то выискивая среди вальсирующих пар, сквозь ряды танцующих пробивается невысокая светловолосая девушка, хрупкая, с большими задумчивыми глазами на миловидном почти детском лице.

Это — Соня Орлова.

Кого же она ищет?

Не того ли крепко скроенного, слегка неуклюжего паренька с кудрями жестковатых, непокорных волос?

Наверное, его — Степу Огурцова, друга ее детства, школьного товарища.

С ним сейчас танцует Таня, продолжая петь:

Нам скорей уйти из школы хочется,
Мы о том не думаем с тобой,
Что минута эта не воротится,
Час не повторится выпускной...

Прижавшись к колонне, не замеченная ими, Соня молча наблюдает за Таней и Степой.

А оркестр играет все громче, ритм вальса становится более учащенным, и школьная песня широко и привольно разносится далеко вокруг...

* * *

Перед нами — набережная.

Белая ночь. Да, та самая, что воспета еще Пушкиным.

Помните?

...И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса...

Тот же школьный вальс, но сейчас приглушенный, звучит на фоне пустынной набережной, по которой идут Таня и Степа. Кругом — тишина, и они, словно боясь вспугнуть эту тишину, разговаривают полушепотом.

Оба несколько устали после выпускного бала. Идут не спеша. И задумчиво, вполголоса продолжают напевать:

С детских лет стать взрослыми спешили мы,
Торопили школьные года.
Для того чтоб детством дорожили мы,
Надо с ним расстаться навсегда.

Взявшись за руки, идут дальше. В тишине гулко разносится стук их каблуков.

Розовеет небо.

Рассвет; он необычный — ведь ночи будто и не было. И только по едва различимым оттенкам красок видно: близится утро.

Таня и Степа заканчивают свою песню:

Вспоминаю прошлое старательно
И тревожной думою томлюсь,
Расставаясь с детством окончательно,
Может, и с тобой я расстаюсь...*.

Останавливаются. Две стройные фигуры — только две! — на фоне огромной пустынной набережной.

Мелодия песни еще звучит у них в ушах, и они неожиданно начинают медленно, молча кружиться в вальсе...

А неподалеку, не замеченная ими, стоит Соня; низко опустив голову, она напряженно смотрит на танцующих...

* * *

— Не понимаю — почему на завод? — удивленно пожимает плечами Таня, продолжая идти со Степой по набережной. — Ты же пишешь стихи. Тебе на литфак нужно.

Степа вдыхает полной грудью свежий утренний воздух. Легкий ветерок забавно шевелит его лохматую шевелюру.

— В юности все грешат стихами, — с улыбкой отвечает он. — Это — как корь; нужно переболеть и забыть.

— И уедешь?

---

* Текст песни Н. Доризо.

— А разве в Ленинграде мало заводов? Нет, отсюда мне уезжать нельзя. Я должен каждый день видеть...

— Белые ночи, набережную... — подсказывает Таня.

— И... — он хочет взять свою подругу за руки, но она легко отстраняется и отходит в сторону.

— Такую, как ты, Таня... — задумчиво говорит Степа, глядя на розовеющую Неву, — только и любить...

— А я уже полюбила, — быстро перебивает его Таня и, не оглядываясь, идет вперед.

Поровнявшись, Степа сбоку заглядывает ей в лицо.

— Федю?.. — тихо спрашивает он.

Она молча кивает головой.

— Н-ну, что ж... — понизив голос, соглашается Степа. — Он парень добрый, веселый...

— Очень! — восклицает Таня, глядя своему приятелю прямо в глаза.

— А думаешь — я хуже, да? Скучный?

В его глазах сверкнула озорная мысль. И вот он стремительно несется вниз, словно собираясь ринуться головой в Неву.

— Смотри!

И, остановившись у каменного обрыва, лихо отплясывает, выбрасывая ноги.

— Тш-ш... — силится его остановить Таня. — Сумасшедший! Сумасшедший!..

Но Степа так же поспешно возвращается и, запыхавшись, останавливается перед ней.

— Ну?

— Что — ну?

В ее тоне искреннее сожаление.

— Я ведь тебе сказала честно... как лучшему другу...

Легкий ветерок ласково треплет их волосы.

Откуда-то издалека смутно доносится песня.

Он хочет улыбнуться, но улыбка ему не дается.

— Когда девушка предлагает дружбу, — медленно говорит Степа, — значит, пиши пропало...

— О... — вскрикивает Таня, мельком глянув на часы. — Поздно. Побегу!..

И тихо добавляет:

— Не злись, ладно? До свидания...

Она протягивает ему руку, повторяя подчеркнуто:

— До свидания!

И уходит, поспешно высвободив свою руку.

Степа остается на месте, провожая ее долгим взглядом...

* * *

Разгорается утро.

Нет, что ни говорите, а неестественное, матовое сияние белой ночи не идет ни в какое сравнение с этой сверкающей белизной раннего утра.

Репродуктор доносит какую-то мягкую мелодию.

По ожившей набережной катит поливочная машина, обдавая веселыми брызгами шаловливую стайку выпускниц. Они с визгом и смехом разбегаются.

На каменной скамье, на фоне Невы, искрящейся под лучами раннего солнца, сидит Степа.

По Неве скользят пароходы. Хрипловато звучат глухие голоса гудков, словно спросонья прочищающих горло.

Мерно отбивая шаг, проходит матросский патруль.

Степа сидит, опустив голову; со стороны кажется — спит.

— А хорошо мечтается на вольном воздухе свежим утром? — неожиданно слышит он звонкий девичий голос.

Вскидывает глаза.

— Соня?!

Да, это она, его школьная подруга. Садится рядом, глядит мечтательно на Неву — всю в искрящихся солнечных бликах — и тихо роняет:

— Никак не могу поверить, Степа, что кончилось детство...

— Да... и пришло время задуматься о будущем, — соглашается Степа.

— А я уже решаю одну арифметическую задачу, — улыбается Соня. — Что лучше — пять или десять?

— В каком смысле?

— А в таком, — деловито доказывает Соня. — Вот ты учишься в институте — пять лет. Приобретаешь специальность, но — теоретически. А завтра придешь на завод, и, пока станешь настоящим инженером, — надо прибавить еще пять лет практической работы... Так не лучше ли — наоборот?

— Слушай, — оживленно придвигается Степа к своей подруге. — Я же так и решил: идти работать на завод и в то же время учиться в вечернем институте.

— И выиграешь пять лет!

Он с благодарностью смотрит на Соню.

— Спасибо. Поддержала... обрадовала.

— Обрадовала? — медленно переспрашивает Соня и неожиданно добавляет: — Пляши!

— Я не пляшу.

— Плясал. Не ври... знаю.

Она произносит это невольно, вдруг.

Неловкое молчание.

Степа медленно опускает голову, исподлобья глядя на Соню; он понял смысл ее фразы.

— Плясал, — сухо начинает он. — Один раз в жизни. И только для одного человека. И никаких свидетелей при этом не было... во всяком случае, не должно было быть. — Переводит дыхание, сдерживая себя. — Подглядывала? — в упор спрашивает Степа. — Скажи, да?

— Подглядывала.

— Та-ак...

— Ты слишком мнишь о себе, — резко замечает Соня. — И зря. Подумаешь, только и света в окошке, что Степа Огурцов. Другое дело — Федя Морозов...

— Соня! — с упреком вырывается у Степы. — Я никогда не думал, что ты можешь быть такой грубой.

— Я... — силится что-то сказать Соня, но Степа решительно встает и уходит.

* * *

Воскресный день.

Вокзал.

Отчетливо видна надпись на одном из вагонов: «Ленинград — Новосибирск».

Слышен голос вокзального диктора:

— Внимание! Продолжается посадка пассажиров на поезд...

Перрон. Обычная сутолока перед отходом поезда.

Шумные возгласы, пожелания счастливого пути, дружеские приветствия.

Носильщики, уезжающие, провожающие. Кто-то играет на баяне...

Мы видим Степу, стоящего рядом с полной пожилой женщиной.

Напряженным взглядом он отыскивает кого-то в толпе, рассеянно прислушиваясь к тому, что говорит женщина.

— Степа... послушай свою тетю: плюнь ты на этот билет, оставайся.

Он кого-то увидел наконец. Рванулся вперед.

Через толпу к ним с трудом пробираются Таня и Федя.

Увидели Степу, подбежали.

— Прости... чуть не опоздали, — запыхавшись от быстрого бега, говорит Федя.

— Были на дневном спектакле Онегина, — оживленно тараторит Таня. — Нет, Степа, из-за одного Кировского театра я бы ни за что никуда не уезжала.

— А я одобряю, — серьезно замечает Федя. — И, если хочешь, завидую.

Их разговор прерывает голос диктора:

— Внимание! Через пять минут от платформы номер восемь отправляется поезд номер 92...

Федя быстро смотрит на часы и протягивает Степе руку.

— Ну...

— Вы бы поцеловались, — весело предлагает Таня. — На вокзале полагается.

Федя и Степа целуются.

— А я — разве не друг? — лукаво восклицает Таня.

Степа наклоняется и неловко целует ее в щеку.

— Ты там хоть целоваться научись, — шутит Таня. — Ну, будь счастлив!

Свисток отправления. Гудок паровоза. Вздрагивает весь состав. Поезд трогается.

Степа бежит к своему вагону, на ходу вскакивает на подножку.

Поезд, набирая скорость, удаляется от перрона.

Таня и Федя машут руками вслед уходящему поезду, а потом, повернувшись, идут к выходу.

Вокруг — слева, справа, позади — масса шумных провожающих; они оживленно расходятся.

— Я никогда не предполагала, — пожимает плечами Таня, выбираясь из толпы, — что Степа окажется таким слабовольным.

— Разве бросить родной город во имя намеченной цели... — хочет ей возразить Федя, но Таня резко обрывает его:

— Ну, постой. Побереги свой пафос для собрания! А если о намеченной цели речь, то он поехал не к ней, а уехал от нее.

— Не себя ли ты имеешь в виду? —

— Что ты... что ты... — едко подчеркивает Таня.

Федя с упреком смотрит на свою подругу.

— Блюминги, мартены, домны...

— Как ты можешь, Таня, так высмеивать своего товарища?

— А я — не Степу. Тебя! Твои прописи. Газетную речь... — сдержанно говорит Таня и, вспыхнув, заканчивает раздраженно:

— Разговариваешь со мной, в самом деле, как на митинге. Противно!

* * *

Движущийся вагон.

Соня стоит перед дверью купе, разглядывая мелькающий в открытом окне пейзаж пригорода.

В вагоне появляется Степа. Он задумчиво проходит мимо, не замечая ее.

Она умышленно задевает его плечом.

— Простите,— бормочет Степа. Но, увидев свою подругу, оторопело восклицает:

— Соня?!

— Да, Соня, — улыбается она.

— Как же ты сюда попала?

— Как все. Купила билет.

— А-а... понятно, — рассеянно качает головой Степа.

— А что тебе понятно, Степа? — внимательно смотрит она на него.

— Да только одно, — понизив голос, грустно замечает Степа, — еще не уехал, а уже скучаю...

— А ты — пока не поздно — соскочи с поезда, — меняясь в лице, сухо предлагает она.

— Ничего от этого не изменится.

— Попробуй, — с вызовом чеканит Соня. — Может быть, именно этим тронешь ее душу... Ну, прощай!

— Как так? — удивляется Степа. — У тебя же билет!

— До первой остановки. Хотела проявить чуткость... как товарищ. Прощай!

И быстро идет к выходу.

— Таня! — невольно выкрикивает Степа, пытаясь остановить свою подругу.

Она резко поворачивается.

— Ошибаешься! — громко говорит она. — Меня зовут Соней!

И, хлопнув дверью, выходит в тамбур.

* * *

У каменного мостика, облокотившись на парапет, стоит удрученный Федя.

За его спиной шумные голоса: маленькие ленинградцы играют в мяч.

Появляется Таня.

Увидев Федю, она тихо подходит к нему и гладит его по волосам.

— Таня! — с радостным возгласом поворачивается он к ней. — Танечка!

Ласково берет ее за плечи.

— Ну, давай договоримся: больше никогда... никогда не ссориться.

Таня весело щурит глаза.

— А знаешь, я сегодня поняла, что иногда полезно поссориться.

— Верно, — широко улыбаясь, подхватывает Федя. — Поругались, а через минуту я тебя уже искал. И не представляешь, как соскучился.

— А я даже чуть не разревелась, — в тон ему вторит Таня, — так захотелось сразу... сейчас же тебя увидеть.

Федя неожиданно и с силой привлекает Таню к себе и, забыв о шумной улице, целует.

Сзади к ним подбегает шустрый мальчишка.

Свистнув от удивления, он скликает своих товарищей:

— Эй, ребята! Гляди! Целуются!

И веселой гурьбой ребятишки окружают целующихся.

Смех, свист, озорные выкрики.

С трудом пробиваются Таня и Федя сквозь строй ребятишек...

* * *

Сконфуженные, но радостно взволнованные, вбегают они в парадное дома Огневых.

— Целуешься на улице, — запыхавшись, Таня отчитывает Федю, — и еще днем.

— А что... а что особенного? — смеется Федя, снова притягивая к себе Таню.

— Сумасшедший, — вырывается она.

И снова целует ее Федя.

Таня ласково отстраняет его.

— Ну как тебе не стыдно? Как так можно?

— А что нам скрывать?

— Как это — что?

— Все равно, — понизив голос, шепчет Федя, — твоя мама обо всем догадывается.

— Ты с ума сошел!

— Ну да.

— Ты что ей говорил?

— Ничего. Но она на меня только посмотрела — и сразу все поняла.

— Боюсь, — лукаво замечает Таня, — что и для твоей мамы это уже не секрет.

— Да? — Федя быстро ее обнимает. — Вот и хорошо.

Целует.

Где-то на верхней площадке стукнула дверь. По лестнице спускается соседка.

Вырвавшись, Таня взбегает вверх по лестнице.

Соседка уходит.

— Таня! — окликает Федя свою подругу и, перепрыгивая через ступеньки, стремительно несется к ней на площадку.

— Таня!

— Ч-ш... — умоляюще приставляет Таня палец к губам, но Федя снова целует ее...

* * *

Комната в заводском общежитии.

Глубокая ночь.

В центре комнаты — стол, за ним сидит Степа и пишет.

Справа от Степы, впереди и позади его — койки.

На них безмятежно спят его товарищи.

Настольная лампа освещает лист бумаги; Степа пишет письмо.

За кадром звучит его голос, делающий строки письма «говорящими».

— Здравствуй, дорогая Таня... Узнал только вчера. Поэтому запоздал с телеграммой. Извини. От души поздравляю тебя и Федю. Желаю счастливой...

Он перечеркивает одно слово.

— ...Желаю молодоженам счастливой семейной жизни.

Быстро скользит по бумаге перо.

— Вот уже два года...

Перечеркивает.

— Вот уже почти два года работаю я на заводе...

Сквозь строчки письма проступают очертания цеха большого завода.

За кадром продолжает звучать голос Степы:

— ...Но никогда не забуду первый день.

Мы видим растерянного Степу, впервые пришедшего в сталелитейный цех.

— Встретили меня, как родного. И сразу же — не поверишь — направили в сталевары. Кругом искры... огонь, а мне совсем не страшно...

Оглушенный шумом, испуганно озираясь, Степа робко приближается к огнедышащей печи.

Миг... и он отскакивает в сторону.

Как видите, в действительности все было несколько иначе, нежели рисует в своем письме Степа...

И снова мы видим общежитие и Степу, склонившегося над письмом.

Он едва сдерживает смех, вспоминая свой «дебют» в сталелитейном цехе.

— Степа... — доносится до него голос товарища с одной из коек. — Перестань. Ей-богу — уснуть не могу.

— Чего ты там? — хрипло, спросонья вопрошает другой голос.

— И пером скрипишь... — невнятно произносит третий. — Чего ты там пишешь?

— Чего, чего... — хмуро отвечает Степа, отрываясь от бумаги. — Статью в стенгазету.

— А-а...

Кто-то зевает, другой натягивает одеяло на голову, третий поворачивается к стене.

Накрыв настольную лампу газетой, Степа продолжает писать.

И снова за кадром звучит его голос:

— Учусь в вечернем институте. Как видишь, от вас не отстаю. Вы — на второй курс и я — туда же...

Сквозь строки письма проступают очертания большой аудитории.

Профессор читает лекцию. Перед ним — студенты вечернего отделения; среди них — Степа.

— Работаю, учусь и усталости даже не замечаю...

Сидящий в первом ряду Степан, закрыв глаза и засыпая, медленно склоняет голову.

Сосед толкает Степу в бок. Тот просыпается, вскакивает и сразу же начинает механически «докладывать».

Все смеются.

Аудитория с сонным Степой исчезает с листа.

Рука с пером, закончив фразу, останавливается.

Лицо Степы.

Тот же сдержанный смех в глазах.

Устало оглядевшись по сторонам, он продолжает писать, и снова за кадром звучит его голос:

— Да, не хочу скрывать: познакомился тут с одной девушкой. Такой же черт, как и ты. Красивая... и даже умная...

Окно из темно-синего становится голубым.

Светает...

Слышен протяжный гудок.

Резко трезвонит будильник.

Комната заводского общежития оживает.

Шумно поднимаются с коек товарищи Степы. Оживленно разговаривают. Убирают койки, делают утреннюю зарядку, идут умываться.

А Степа все пишет, и голос его звучит за кадром:

— Живу в отдельной... шикарной комнате. Уже успел приобрести мебель, книги и даже коврик... говорят — узбекский.

Веселым взглядом окидывает Степа свою «отдельную, шикарную» комнату, напоминающую сейчас разворошенный улей.

Перо скользит по бумаге. Голос резюмирует:

— Так что ничуть не жалею, что уехал из Ленинграда...

Откладывает в сторону перо.

— Ленинград... — задумчиво произносит он.

* * *

И перед нами возникает величественный Петр на вздыбленном коне.

По одной из заснеженных улиц Ленинграда идут Таня, Федя и Соня. В руках у Тани — письмо Степы, которое она читает вслух.

— ...Ну вот, пожалуй, и все. Кланяйся твоему супругу. Смешно звучит «супруг»...

Таня вскидывает голову.

— «Супруг» берет в кавычки... Нахал какой!

— А вот почему. Читай, — улыбаясь, заглядывает Федя в письмо. — «То был просто «Федька-редька». А сейчас — супруг...»

— А-а... Тогда другое дело.

— Он так и пишет: «Шучу»...

— «Шучу, конечно, — продолжает читать Таня. — Ему сердечный привет...». Тебе привет.

— Вижу.

— ...«Еще раз желаю вам счастья...». Ой, автобус! — вскрикивает вдруг Таня, увлекая за собой Соню и Федю.

Они бегут к остановке, но автобус отходит.

Федя огорченно машет рукой.

— Эх, черт!

— А дальше? — напряженно интересуется Соня, глядя на письмо, которое Таня небрежно держит в руках.

— А дальше — все, — равнодушно роняет Таня, провожая взглядом удаляющийся автобус.

— Ну-ка, дай на секунду, — просит Соня.

— А еще, — мельком глянув в письмо, добавляет Таня, — «жму руку. Степа».

— Разреши на секунду, — настаивает Соня.

— На!

И, взяв из ее рук письмо Степы, Соня отходит в сторону.

— А все-таки он нахал, — пожимает плечами Таня. — Ей даже привета не передал...

— Не надо об этом, — сухо обрывает ее Федя, внимательно следя за Соней, напряженно вчитывающейся в письмо.

И, видя огорчение своей подруги, Федя быстро подходит и пытается ободрить ее.

— Нет, что ни говори, а Степка молодчина. Смотри, как шагает. И квартира у него есть, и с работой хорошо...

— Неужели ты ничего не понимаешь? — вырывается вдруг у Сони. — Да он же врет, врет... Здесь все придумано. И квартиры у него нет. И с работой не ладится. И никакой девушки у него нет... Понимаешь, нет!

В ее голосе — сдержанные слезы.

— Федя! Автобус! — доносится до них требовательный голос Тани.

— Пошли? — мягко предлагает Федя.

— Нет, — глухо отвечает Соня и, вручив ему письмо, медленно уходит в противоположную сторону.

— Ну, ну, ну!.. — машет рукой Таня, при-

глашая Федю поскорее идти к подошедшему автобусу, но Федя замешкался, и этот автобус тоже отходит.

— Ну вот, вот, — с досадой говорит Таня. — С тобой всегда так!..

Но Федя не слушает ее, с тревогой следит он за Соней. А та задумчиво переходит улицу, не обращая внимание на мчащиеся такси и троллейбусы, которые опасливо объезжают эту отчаянную девушку...

* * *

Квартира Огневых.

Просторные, светлые комнаты: повсюду чистота и порядок.

В столовой гладит платье Тани ее мать — Елена Семеновна, еще не старая, стройная, подтянутая женщина со следами былой красоты.

Таня очень похожа на нее.

Елена Семеновна иронически вздыхает, продолжая гладить платье.

— М-да... Попробуй кому-нибудь рассказать — ведь засмеют и не поверят.

Она адресует свои слова в дверь маленькой комнаты, где лежит в постели полусонная Таня.

— Дочь вышла замуж, не сказав родителям ни слова...

— Мамочка, — потягиваясь и позевывая, шутливо замечает Таня. — А у нас только о разводах принято в газетах сообщать.

— Глупо! — заявляет мать, подавая ей отглаженное платье.

— Ну что ты от меня хочешь? — с детской гримаской говорит Таня. — Я всю ночь не спала, готовилась к экзаменам. И сейчас очень волнуюсь. И потом...

Она удивленно пожимает плечами.

— ...что, собственно, произошло?

— Ничего особенного, — со сдержанной обидой заявляет мать. — Только я тебе, Танечка, не желаю, чтобы на старости лет твоя дочь так обошлась с тобой.

Таня натягивает платье.

— Ну хорошо, хорошо. Пусть я не права... Что же теперь делать? — шутит Таня. — Просить прощение или уходить?

— Думать не только о себе.

Таня озорно улыбается:

— И возлюбить ближнего, как самого себя. Да?

— Эх, Таня, Таня... — тяжело вздыхает мать.

— Что — Таня?.. — механически переспрашивает та, сосредоточенно роясь в своем письменном столе.

Что-то ищет. Не находит. Взрывается:

— Где эта проклятая «Технология металлов»?!

Мать подходит к столу.

— «Технология металлов»...

И, смягчив тон, ласково спрашивает:

— Что же будет, Танечка?..

— Ну, я по-прежнему с вами, мама, и ничего не изменилось, — продолжая искать книгу, раздраженно отвечает Таня. — Ты мне лучше скажи: где эта «Технология металлов»?

А мать — о своем:

— Как же не изменилось?... У тебя теперь — муж. А где он? Где?

Таня молча расшвыривает на столе книги.

— Я спрашиваю: где твой муж?

— А? — словно только что услышав вопрос матери, откликается Таня. — Со мной.

— Ты — здесь. А он?

— Пока — у себя.

И резко барабанит кулаком по столу.

— Что... что такое?

— Куда же девалась эта «Технология металлов»? — почти плачет Таня.

Мать включается в поиски, продолжая добиваться ответа:

— Когда же вы будете вместе?

— Когда будет квартира.

— А этой вам мало?

— Это — ваша. А я хочу иметь свою.

— Свою. Легко сказать, — укоризненно качает головой мать, перебирая книги, и вдруг находит «Технологию металлов». — Да вот она... вот.

— Спасибо... Трудно. Знаю. Но лучше жить так, чем чувствовать себя здесь квартирантами.

— Хорошо. Так и живи, — с горечью подчеркивает мать и уходит в столовую.

Почувствовав в ее голосе обиду, Таня резко поворачивается.

— Ну, мамочка...

На глаза у нее навертываются слезы.

— Может быть, я поэтому и вышла замуж... Не хочу быть зависимой...

* * *

В столовой приготовлен для Тани завтрак.

— Иди кофе пить, — сухо зовет мать.

Таня нехотя садится к столу.

— Мне двадцать один год... и я обязана подумать о своем будущем.

Мать молча наливает кофе.

— Нет квартиры — пусть муж добивается. А вы — тоже придумали — звать его сюда на все готовое.

Жалобный тон, слезы на глазах — и мать обезоружена.

— Ну, успокойся, — мягко говорит она. — Только пойми: он не старше тебя и сам еще нуждается в поддержке и помощи.

Бьют стенные часы.

— Не хватало еще в институт опоздать!

Таня вскакивает, бежит в свою комнату, берет портфель и хочет уходить.

— Завтрак, завтрак...

Мать поспешно кладет ей в портфель завтрак, целует дочь на ходу, и та бежит в переднюю.

Здесь — у столика с телефоном — сидит Николай Капитонович, отец Тани; ему лет пятьдесят пять. Он среднего роста, кряжистый. Волосы и усы седые. Брови пушистые, торчком; из-под них глядят спокойные, ласковые глаза.

Николай Капитонович слышал часть их разговора и хочет что-то сказать дочери:

— Таня...

Но она, чмокнув его и схватив с вешалки пальто и меховую шапку, убегает.

Отец входит в столовую.

— К экзаменам готовитесь? — интересуется он.

— Да...

— Угу... — лукаво усмехается отец и вдруг, подчеркнуто жестикулируя, кого-то изображает:

— Выпей кофе, Танечка... Вот платьице, Танечка... Не забудь книжечку, Танечка...

Он неожиданно вертится на одной ноге, юмористически повторяя:

— Танечка!.. Танечка!.. Танечка!.. Да?

— Я всегда говорила, что ты — артист, — улыбается Елена Семеновна.

— Нет, скорее — твоя дочь. Она опять плакала, — он подражает голосу Тани: — «Ма-а-а-мочка»... А?

— Ей ведь тоже не сладко, — сдерживая смех, говорит Елена Семеновна.

— Яблоко от яблони недалеко падает.

— Да? Интересно, когда же это я слезы лила?

— А каждый раз, когда хотела растрогать или избежать неприятного разговора.

Он смеется, целует жену.

— Оставь меня, — шутливо отстраняет его Елена Семеновна.

Николай Капитонович юмористически разводит руками:

— Характера не хватает!

* * *

Уткнувшись в газету, Николай Капитонович попивает кофе.

— Как же быть? Что придумать? — продолжает разговор мать.

— Прежде всего надо разыскать Федю.

— И когда же ты собираешься это сделать?

— Вот как только закончу баланс — постараюсь найти этого супруга.

— А к какому итогу тем временем придет твоя семья — ты прикинул на счетах?

Николай Капитонович откладывает газету и, глядя на жену поверх очков, посмеивается:

— А чего ты, собственно, добиваешься? Развести их?

— Нет, — резко отвечает мать, — чтобы ты поумнел.

— О-о, это так же трудно, как привить твоей дочери чувство привязанности.

Раздраженно махнув рукой, мать выходит из комнаты.

Перестав улыбаться, Николай Капитонович задумчиво глядит ей вслед: он принял какое-то решение...

* * *

Людная ленинградская улица.

Вдали виден купол Исаакия, позолоченный неярким февральским солнцем.

Оживленное движение.

Николай Капитонович приближается к подъезду четырехэтажного здания.

Опираясь на палку, он кого-то ждет, нетерпеливо поглядывая на противоположный угол улицы.

Подкатывает «ЗИМ».

Николай Капитонович отходит в сторону, стараясь быть незамеченным.

Стоя невдалеке, Огнев видит, как из машины, низко нагнув голову в барашковой шапке, медленно выходит пожилой человек.

За ним — Федя Морозов с пачкой книг в руках.

Человек в барашковой шапке делает несколько шагов по направлению к подъезду, но, что-то вспомнив, поворачивается к Феде.

— М-да... Э-э... Надо бы вам поспать, голубчик.

— Что вы, Алексей Викентьевич, средь бела дня? — слышит Огнев знакомый голос.

— Ну, а что же поделать, если темной ночи вам не хватает, — старческой скороговоркой весело отзывается старик. — Поезжайте. И — спать. Э... часов пять, не меньше!..

Они скрываются в подъезде дома. А Николай Капитонович, подумав секунду, приближается к машине, решительно открывает дверцу и преспокойно усаживается на заднем сидении.

А вот и шофер!..

Федя резко открывает дверцу и берется за руль.

— Что же вы родственников не узнаете? — слышит он за спиной знакомый голос.

— Николай Капитонович! — радостно восклицает Федя, оборачиваясь к Огневу. — Простите... Здравствуйте!

— Добрый день, — улыбается Огнев и, кивнув в сторону ушедшего старика, добавляет:

— Это машина академика Веселова?

— Да, — смущенно отвечает Федя. — Я у него шофером.

— Догадываюсь.

И, стараясь рассеять напряженную паузу, Огнев весело продолжает:

— А что же вы так редко заходите к нам? Ведь, в сущности, дорогой зять, мы с вами едва знакомы.

Он заразительно смеется.

— Смешно?...

— Скажите, вы случайно оказались у дома Веселова?

— Нет, специально. Вас искал.

— Почему? — В глазах у Феди тревога. — Что-нибудь случилось?... Что-нибудь с Таней?

— С Таней? — спокойно переспрашивает Огнев. — А что с Таней?

Стараясь скрыть свое волнение, Федя включает стартер, заводит мотор.

— Понимаю... Это Таня узнала, что я работаю шофером и возмущена? — торопливо высказывает он свои догадки.

— А почему она должна быть возмущена? — удивляется Огнев.

— Стыдится, наверное.

Николай Капитонович смеется.

Машина трогается с места.

* * *

Лестница парадного хода.

Николай Капитонович и Федя, поднимаясь, приближаются к дверям квартиры Огнева.

— А почему вы, собственно, так боитесь Тани? — продолжая разговор, интересуется Огнев.

— Ну, просто я ее очень люблю, — тихо и смущенно отвечает Федя, — и не хочу огорчать.

— Это, конечно, очень хорошо, — соглашается Огнев и тут же замечает: — Да, но нельзя же потакать всем ее капризам.

Они останавливаются на лестничной площадке.

— Нет, Тане нужен не такой муж.

— Почему, Николай Капитонович?

— Почему, почему...

Николай Капитонович звонит.

— Вам надо знать, молодой человек, что основной ее враг — эгоизм.

Он снова звонит. Слышны быстрые шаги. Мать Тани открывает дверь.

— Федя! — радостно приветствует она.

— Здравствуйте, Елена Семеновна.

— Как хорошо, что вы пришли!.. Проходите, пожалуйста.

Федя осторожно переступает порог.

— Ну? — За спиной Феди показывает на него глазами Огнев: что, мол, скажешь: привел все-таки.

— Спасибо, — быстро шепчет мать.

— То-то...

— Раздевайтесь, — предлагает Елена Семеновна несколько растерявшемуся Феде. — Как жаль, что Тани нет.

— У Феди — мало времени, — напоминает Огнев.

— Почему? Целых четыре часа, — протестует Федя.

— Четыре двадцать; я слежу.

Николай Капитонович показывает на часы.

— У меня — точно. Мозер...

Прикладывает к уху, встряхивает.

— Что такое?

— Остановились, — смеется мать.

— Опять не завела, — весело замечает он.

Огнев и Федя снимают пальто.

Федя передает пакеты.

— Леночка, — быстро распоряжается Николай Капитонович, — Федю надо накормить. Это раз. А потом — уложить спать. Это два.

— Что вы, что вы, Николай Капитонович, — пытается возразить Федя.

— Да, да, — останавливает его Огнев. — Леночка! Мы же не с пустыми руками.

— Ну, еще бы...

— Постой, — что-то ищет Огнев. — А куда... куда вы девали? — вопросительно смотрит он на Федю.

— Ах, вот...

Федя ищет в карманах пальто.

— Ну-ка, ну-ка...

— Вот!

Протягивает бутылку водки, завернутую в газету.

— Леночка...

Огнев разворачивает газету.

— Мы выпьем немного, закусим, а потом — спать. Ему надо отдохнуть.

— Николай Капитонович... Я не хочу спать.

— Кажется, договорились? Леночка...

— Конечно, конечно, — соглашается Елена Семеновна и чуть было не роняет на пол бутылку.

— Ой! — вскрикивает Огнев.

И все смеются: заветная бутыль спасена.

— Проходите в столовую, — приглашает мать.

— Проходите, проходите...

* * *

Федя усаживается за стол.

Николай Капитонович берет в углу за буфетом какой-то продолговатый предмет.

Федя удивленно смотрит на Огнева: в его руках флейта.

Николай Капитонович что-то тихо выводит на флейте.

— А ведь возлагали надежды, — с грустной улыбкой замечает он. — Но, как видите, из вундеркинда получился номенклатурный главбух... А бывало — впереди отряда звучал и мой кларнет.

И в комнате в учащенном ритме звучат первые такты марша Буденного: «Мы красная кавалерия. И про нас...»

Елена Семеновна приносит графин, закуску.

— Вы знаете, — шутливо подмигивая, продолжает Огнев, — в молодости я был очень стеснительным, молчаливым. И объяснялся с Еленой Семеновной только так...

Выводит на флейте: «Я любил вас, Ольга...»

— Коля, надоел, — отмахивается Елена Семеновна и выходит из столовой.

— Вот видите. До чего я доходил, а? — смеется Николай Капитонович. — Так что, дорогой зять, мы с вами должны заключить союз... союз мужей!

Елена Семеновна приносит еще закуски.

— А я уже говорила с Таней, — приветливо говорит она. — Вы должны жить у нас. Обязательно... Кушайте, пожалуйста, на здоровье.

— Спасибо.

— Я пойду постелю вам.

Огнев берет графинчик и многозначительно встряхивает его. Водки немного: на два стаканчика.

— О-о!..

— Все, все, все! — безапелляционно бросает Елена Семеновна и уходит в кабинет.

— Ну, Федя, выпьем...

Николай Капитонович наливает рюмки — Феде и себе.

— За мужской характер!.. За то, чтобы вы не очень и... не во всем потакали Тане.

Они чокаются, пьют.

* * *

Диван в кабинете Огнева; на нем безмятежно спит Федя.

* * *

Кухня. Николай Капитонович снимает с газовой плиты ведро с водой и берет несколько тряпок.

— Ты что — полы мыть вздумал? — удивленно интересуется Елена Семеновна.

— Машину отогреть, — с видом заговорщика объясняет Огнев, — и немного протереть ее.

— Какую еще машину?

Николай Капитонович молча показывает в сторону кабинета, где спит Федя.

— Что? Что? — не понимает Елена Семеновна.

— Ну, смотри!

Жест в сторону окна; внизу видна машина.

— Это чей «ЗИМ»? — спрашивает Елена Семеновна, мельком глянув в окно.

— Его.

— Он же — студент.

— И шофер.

— А Таня говорила — уроки дает.

— И уроки.

— Когда же он учится?

— Непонятно.

— Безобразие! — возмущается мать.

А Николай Капитонович, накинув на себя телогрейку и шапку-ушанку, выносит в переднюю ведро, собираясь идти к машине.

— Просто души в ней не чает, — говорит он.

— Как же она разрешает?

— А он — по секрету.

— Ну вот видишь — она тут ни при чем, — облегченно вздыхает мать.

— Да, — иронически замечает отец, — а то, говорит, узнает и бросит меня.

— Нет, не верю!

Слышно, как, напевая веселую песенку, к дверям подходит Таня.

Родители возвращаются в кухню.

— Подумай, — подчеркивает отец, — даже ты себе такого не позволяла.

— Ну, оставь...

Хлопает дверь. Входит Таня. Напевая, раздевается у вешалки.

— Мама!

— Тиш-ше! — машет на нее рукой мать.

— Что такое?

— Там спят.

— Папа?

Мать помогает ей снять меховые ботинки и протягивает домашние туфли.

— Федя.

— Федя? — радостно вскрикивает Таня. — О! Как он сюда попал?

— А мы встретились с ним на улице, — шепотом объясняет отец, входя в переднюю, — случайно. Ну и я его...

— Очень кстати! — перебивает его Таня и бросается к кабинету с криком: — Федя!

— Тш-ш... — останавливает ее отец. — Не кричи!

— Он устал и должен отдохнуть, — добавляет мать.

— Успеет! — словно отрезала Таня и решительно направляется к дверям кабинета.

Резко открыв дверь, она входит в кабинет.

— Федя! Федя!

Отец со злостью, с грохотом ставит ведро на пол, расплескивая воду. Бросает тряпки.

Мать вытирает пол.

— Откуда вы такие? — пожимает она плечами.

Склонившись над спящим Федей, Таня тормошит его.

— Ну! Ну, проснись. Ну!..

Федя что-то бормочет со сна, поворачивается на другой бок.

Таня сильнее тормошит его, свистит в ухо.

Федя, еще не проснувшись, безотчетно делает движение к стене, словно порываясь пройти сквозь нее.

— Куда же ты? — громко смеется Таня и окончательно будит его.

— А-а... Тата!

Увидев ее, Федя радостно обнимает Таню, целует.

— Ты знаешь, — не дав ему опомниться, щебечет Таня, — я наконец разыскала комнату. Даже две. На Невском и у Пяти Углов. Одна — за триста, другая — за четыреста. Зато — с телефоном. Хорошо?

— Хорошо, — зевает Федя. — Возьмем, конечно, пока за триста.

— Господи, боже мой, — раздраженно поводит плечами Таня. — Из-за несчастных ста рублей будем лишать себя удобств.

Федя приподнимается, берет одежду.

— Ну? — нетерпеливо тормошит его Таня.

Федя одевается.

— Четыреста рублей... это я получаю с двух учеников.

— Возьмем третьего.

— Но я и так пропускаю лекции, — сдержанно поясняет ей Федя. — Уже вызывали в деканат. Чего доброго, могут отчислить или лишить стипендии.

Таня смеется, треплет его за волосы.

— Трусишка!.. Это же только угрозы. Ну, кто тебя с твоими способностями посмеет отчислить?

Таня идет в глубину кабинета, садится на край письменного стола.

— А комната — в самом центре. Рискнем?

— Ты так хлопочешь — будто нам век жить в Ленинграде.

— А я никуда в другой город не собираюсь.

— Как же так? А нам летом — на практику.

— Ну, не обязательно — к черту на куличики, — улыбается Таня. — Можно зацепиться и в Ленинграде.

И она декламирует:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий , стройный вид...

Федя усаживается тут же — на противоположном углу стола.

— Ну, скажем, на Магнитке, — замечает он, — металлургу интереснее.

— Чудак, — смеется Таня. — Какой из меня металлург? Представляешь, как я буду выглядеть у мартена или у домны?

— Кто ж тебя заставил идти в институт? — мягко спрашивает Федя.

— Диплом. И, если не догадываешься, — объясню. — Она притягивает его к себе. — Ты! — Целует. — Ну, так берем с телефоном? Да?

— Кто его знает, как тут быть, — смущенно мнется Федя. — Все-таки — лишних сто рублей...

Таня резко соскакивает со стола и обиженно идет к выходу.

— Не огорчайся, Танечка... — успокаивает ее Федя. — Давай еще подумаем, а? — И, взглянув на часы, торопливо добавляет: — Опаздываю к академику Веселову.

— Зачем он тебе?

Чувствуя, что проговорился, Федя смущается, но поспешно выходит из положения:

— Как тебе сказать... Ждет ученик — его внук...

— Вот видишь, — оживляется Таня, — еще один ученик. А ты считаешь каждую копейку...

И, требовательно глянув ему в глаза, добавляет:

— Говори: берем? Да или нет?

Федя натягивает на себя куртку и, не выдержав ее острого взгляда, соглашается:

— Хорошо. Что с тобой поделаешь...

— Ну вот, так бы сразу! — весело заключает Таня и звонко чмокает его в щеку.

— Я тебе вечером позвоню, — уходя, обещает Федя.

— Ага...

И, когда Федя скрывается за дверью, Таня со вздохом опускается в кресло: не легко дались ей эти уговоры...

* * *

Направляясь к вешалке, Федя видит отца Тани, хмуро сидящего возле телефона, и мать, скрывающую свое смущение. Видимо, они слышали его разговор с Таней.

— Николай Капитонович... — робко окликает Федя.

— Да. — Словно очнувшись, встает отец. — Слушаю вас...

— Не проговоритесь Тане... — понизив голос, просит Федя.

— Чего? — переспрашивает Николай Капитонович, не поняв его слов.

— Ну, насчет... — Федя делает выразительное шоферское движение, словно у него «баранка» в руках.

— Что вы? Союз мужей!

— Да-да... спасибо.

Федя уходит. В тот же миг из дверей кабинета выбегает Таня.

— Мама! Папа! — весело кричит она. — Ну, поздравьте. На днях я от вас выберусь.

— И выбирайся! — глухо и сдержанно начинает отец. — Как можно скорее!

И, не выдержав, срывается:

— Уходи!

От неожиданности Таня вздрагивает и, прижавшись к стене, плачет.

— Коля... — силится остановить его Елена Семеновна.

— Молчать! — неожиданно кричит отец и, с силой хлопнув дверью, уходит в столовую.

— Таня, — тихо замечает мать. — Это впервые в жизни...

* * *

Зима. Широко раскинулись заводские корпуса на окраине небольшого города, словно белым пологом, покрытого снегом.

Дымят трубы, и дым стелется в морозном воздухе, медленно оседая на приземистые заводские пристройки, на крыши пробегающих поездов...

* * *

Кабинет начальника отдела кадров завода. Петр Петрович — человек небольшого роста, в сером френче полувоенного образца; у него гладко зачесанные волосы, в глазах равнодушие. Деловитый тон, уверенные движения.

Он спокойно снимает с вешалки пальто. За его спиной неожиданно открывается дверь, и он с удивлением смотрит на незнакомую девушку, облаченную в старенькую шубку, остановившуюся на пороге.

Это — Соня; в руках у нее два чемодана.

— Здравствуйте, — приветливо улыбается Соня.

— Здравствуйте, — сухо ответствует начальник, окидывая ее с ног до головы недоуменным взглядом.

— Вы — начальник отдела кадров?

— Ну, допустим.

— А я — Соня Орлова, из Ленинграда.

— Да? — иронически переспрашивает Петр Петрович. — Скажите, Соня Орлова, а что у вас в Ленинграде так принято входить в кабинет, как в камеру хранения — с вещичками, без стука?

— Извините, — смущается Соня и делает движение в сторону дверей, пытаясь выйти.

— Пожалуйста, пожалуйста, — кивает головой начальник и немедленно добавляет: — Прошу вас...

Он жестом приглашает ее войти в кабинет.

— Садитесь.

— Ничего.

Петр Петрович проходит к столу, садится в кресло, приготовясь выслушать оригинальную посетительницу.

— Так вот, — начинает Соня, — я хочу поступить на ваш завод.

— Прекрасно. Что вы умеете делать?

— Я у нас...

— В Ленинграде?

— Да. Работала лаборанткой в сталелитейном цехе.

— Что же вас заставило покинуть такой прекрасный город?

— А-а... — смущенно запинается Соня.

— Что?

— Тут, простите... причина личная.

Петр Петрович понимающе кивает головой и задает вопрос в упор, рассчитывая застать ее врасплох:

— А уволили вас со взысканием или без?

— Что вы? Я ушла по собственному желанию.

— Допускаю, — морщится начальник. — А характеристики привезли с собой?

— Конечно.

И Соня со стуком ставит на стол один из своих чемоданов. — Простите...

— Пожалуйста, — кивает головой Петр Петрович. И видя, что Соня собирается вынуть из чемодана документы, поспешно добавляет:

— Конечно, положительные?

— А как же?

— М-да, иначе вы бы мне их не показывали.

Соня улыбается.

— А место? — ошарашивает он ее непонятным вопросом.

— Какое место?

— Единицу вы привезли с собой?

— Не понимаю...

Петр Петрович встает.

— А я вас не понимаю. Все тянутся в Москву, в Ленинград, а вы — сюда, да еще — по собственному желанию.

— Да, я хочу работать на вашем заводе, — твердо подчеркивает Соня.

— А у меня — все единицы на своих местах. Потом — вопрос отцовский: где вы жить собираетесь?

— Согласна на первых порах — в общежитии.

— Ах, согласны, — криво усмехается начальник. — Ну, прекрасно... А койка в общежитии есть у вас на первых порах? Что?..

Последний его вопрос относится к Степе, который, резко рванув дверь, стремительно входит в кабинет. Он в замасленной рабочей блузе.

— Степа! — вырывается у Сони.

— Соня?!

И она радостно обнимает его.

— Ой, я ж грязный! — пытается отстраниться Степа.

— Нет, ничего.

— Каким образом?

— Взяла и приехала.

— Ничего не понимаю, — разводит руками Степа.

— Знакомая? — сухо интересуется начальник отдела кадров.

— Да, вместе учились.

— Нехорошо, — качает головой Петр Петрович.

— Что — нехорошо?

— Это же рабочий кабинет, а вы здесь лирику разводите.

— Простите, Петр Петрович, — поспешно объясняет Степа, — мы просто давно не виделись.

— Вот идите в коридор и устраивайте там вечер воспоминаний.

— Но у меня дело. И я очень тороплюсь.

— А я не могу сразу с двумя разговаривать.

— Хорошо... я подожду... — соглашается Соня и направляется к своим чемоданам. — Степа... я тебя там подожду.

— Оставь, — показывает он на чемоданы. — Я захвачу. Иди.

Соня выходит.

— Петр Петрович, я учусь в вечернем институте.

— Молодчина! — небрежно соглашается начальник, закуривая.

— В вечернем институте, — подчеркивает Степа. — А меня переводят в вечернюю смену.

— А я при чем?

— А вы — отдел кадров.

— Но есть начальник цеха.

— Зубов отказал, — машет рукой Степа.

— А-а... — усмехается начальник. — Догадываешься, почему?

Степа пожимает плечами.

— Вот я тебе скажу по-братски... Тебе сколько лет?

— Ну, двадцать два.

— Ясно. Садись, садись.

— Да ничего.

Степа садится рядом с начальником.

— В твои годы, — внушительно поучает Петр Петрович, — надо по ступенькам идти. А ты хочешь — как на ковре-самолете. Тоже мне багдадский вор!..

— Что за муть такая?

— Не понимаешь?

Степа отрицательно машет головой.

— Ну, вот... возьмем, к примеру, весы.

Начальник поднимает кисти рук на уровне груди и, тесно сжав пальцы, выставляет их вперед.

— Вот здесь кто? — спрашивает он, показывая подбородком на правую руку. — Здесь — Зубов. А ты... — кивок подбородком на левую руку — вот где.

Его левая рука ползет вверх.

— И, как только ты начнешь Зубова перетягивать, тебя сейчас, как пушинку, вот так... ф-фу!.. и-и-и полетел Степа! Понял?

— Вот теперь понял, — едко улыбается Степа.

— Ну, молодчина.

— Значит, — глядя ему прямо в глаза, задает вопрос Степа, — советуете: лапки кверху и отказаться от той идеи, которую я предлагаю.

— Нет, ты же — опасный человек, — раздраженно замечает начальник. — Если у тебя есть уши — ты прекрасно слышал, что я здесь советовал. Это значит — не быть слепым и смотреть вперед.

— Хитро... ничего не скажешь...

— Ну, а если скажешь, — многозначительно подчеркивает Петр Петрович, — я человек — здешний.

— А я тоже — не с луны свалился, — вспыхивает Степа, срываясь с места. — И пусть некоторые не думают, что у меня нервы сдадут!

— Вот что, Огурцов! — угрожающе начинает начальник. — Я тебе — не Зубов!

— Верно.

— И веди себя культурно. Это еще пока — мой кабинет!

— Вот именно — пока, — парирует Степа, и, захватив с собой чемоданы Сони, решительно выходит.

— Что?!

Петр Петрович рывком снимает телефон и грозно требует:

— Партком сталелитейного...

* * *

Приемная отдела кадров.

Слева на скамье сидит Соня и дремлет. Из кабинета начальника выходит Степа с чемоданами. Подходит к Соне и шутливо дует ей в ухо. Соня просыпается.

— Ох...

— Очень хорошо, что ты приехала.

— Да? — радостно откликается Соня.

— Нам сейчас лаборантки позарез нужны!

— А-а, лаборантки, — сдерживая разочарование, обидчиво поджимает Соня губы.

— Ну да, — не замечая ее состояния, поспешно продолжает Степа. — Постой! Ты же — прямо с вокзала. На-ка, вот тебе ключ.

— Нет-нет, — протестует Соня. — Не надо. У меня все в порядке: я в общежитии.

— А я сейчас — у мастера Сергейчука, — торопливо рассказывает Степа. — Мировой старик!.. Вместе воюем, вместе живем. В общем, потом все расскажу. Я тебя вечером обязательно разыщу.

И не успевает Соня ответить, как он уже бежит по коридору, крикнув на ходу:

— Значит, ты — в женском общежитии?

— Ну, конечно, не в мужском.

— Ага!

И, хлопнув дверью, убегает.

Соня направляется к кабинету и, открыв дверь, решительно входит.

Начальник держит в руках трубку телефона.

— Что?.. Петрунин, я сейчас приду к тебе.

Идет к вешалке. Натягивает кашне, шапку, пальто.

— Вот там говорят, — твердо начинает Соня, — вам очень лаборантки нужны.

— Я не знаю, что там говорят, — раздраженно запахивает пальто начальник, — но все единицы у меня на своих местах, а общежитие — не резиновое.

— Я, — смело перебивает его Соня, — приехала сюда на работу, и получу ее. И койка в общежитии тоже найдется.

— А вы мне нравитесь, — кисло улыбается начальник.

— А вы мне — нет!

— А? — ошарашенно переспрашивает начальник, но Сони и след простыл.

* * *

Столовая в квартире Зубова.

За обеденным столом Вера — светловолосая, с большими внимательными глазами девушка — вместе со своей матерью угощает Соню ужином.

Людмила Ивановна — мать Веры, добродушная пожилая женщина с ласковой улыбкой на приветливом лице, — вынимает из шкафа графинчик с водкой, наполняет небольшую стопку и предлагает Соне.

— Пей, согреешься. И не повредит.

Соня с опаской поглядывает на водку.

— Никогда не пробовала... боюсь.

— Согреетесь, — убеждает ее Вера. — Ну, капельку...

— Ты, видать, не из пугливых, — улыбается Людмила Ивановна. — Ну, раз!

Соня берет стопку, осторожно прикладывает к губам, пьет.

— Вот и готово, — резюмирует Людмила Ивановна, с любопытством разглядывая девушку, не сразу ощутившую крепость напитка.

— Ничего, — переводя дыхание, тихо говорит Соня.

— Молодец.

— Ах! — восклицает Соня, до которой наконец «дошла» водка, и начинает быстро закусывать.

— Кушайте, — сдерживая смех, советует Вера.

— Ты, должно быть, отчаянная, — одобрительно кивает головой мать Веры. — Что задумала, то и сделала. Вот учись, Вера. А то твердит одно: в Москву, в Ленинград. А Соня, гляди, оттуда и — к нам.

— Я же не гулять хочу ехать, а учиться, — пожимает плечами Вера.

— Заладила: «хочу в медицинский, хочу быть врачом»... Да скоро у нас врачей будет больше, чем больных.

В переднюю входит Петр Петрович; по всему видно, что он приходит сюда запросто, в любое время.

— Привет! — слышится его голос из передней.

— А-а, Петр Петрович...

Петр Петрович останавливается в дверях столовой, удивленно разглядывая Соню.

— Ну, я вам скажу, мир все-таки тесен, честное слово, тесен...

— А вы знакомы? — интересуется мать.

— Ну, как же...

Петр Петрович приближается к Соне, которая смотрит на него отчужденно.

— Подумайте, ведь как разыграла, — разводит он руками. — И работу ей подай, и...

А зачем вам общежитие? У вас же такие родственники, как Зубовы?

— Ошиблись, — сдержанно останавливает его Соня.

— Ну, хорошие знакомые... неважно.

— Опять не угадали, — сухо замечает Вера. — Только сейчас встретились.

Петр Петрович усаживается за стол рядом с Соней.

— Эх, и привык ты к анкетам, — вмешивается Людмила Ивановна. — Что да почему?

— Служба такая, Людмила Ивановна. Сижу на кадрах. — И, наклонившись к Соне, тихо добавляет: — А почему вы уехали из Ленинграда?

Он стучит ребром ладони по столу.

— Дровишек там нарубали, да?

— Все у тебя лесорубы, — обрывает его мать, поднося графин с водкой. — Лучше выпей с мороза.

— Это можно.

Она наливает ему стопку.

— Будь здоров.

— Буду.

— Вы кушайте, кушайте, — заметив смущение Сони, предлагает Вера.

— Кушай, — положив Соне на плечо руку, ласково угощает мать.

Петр Петрович медленно, не поморщившись, выпивает.

— Прошла... — резюмирует он и тянется к закуске.

— А когда она у тебя не шла?

— Пока не жалуюсь.

— А вот на тебя, так многие жалуются.

— Это — не товарищ ли Орлова из Ленинграда? — тыча вилкой в селедку, интересуется Петр Петрович. — Но я ведь тоже языкатый. Когда мне наступят на любимую мозоль, я кому угодно ноги оттопчу.

— Словом, характер, как у Степки Огурцова, — говорит мать.

— Тш-ш! — с юмористическим испугом шикает он, поглядывая на Соню.

— Что ты меня пугаешь?

— Боюсь, чтобы гостья не обиделась.

Людмила Ивановна с удивлением смотрит на Соню.

— А что, — спрашивает она, — разве ты с ним знакома?

— Это мой друг,— спокойно отвечает Соня.

— Не будем скрывать, — язвительно подчеркивает Петр Петрович. — Даже больше.

— И что же? — сдержанно переспрашивает Соня.

— Ничего.

В переднюю входит Егор Петрович Зубов. Это — начальник цеха, отец Веры, высокий, широкоплечий. Скуластое лицо, прокуренные усы, начисто бритая голова. На нем задубевшее кожаное пальто, мохнатая шапка-ушанка, валенки.

— Водку вижу, — раздеваясь у вешалки, весело говорит он, — а веселья нет. Почему?

— Да Огурцова тут вспомнили, — едко поясняет Петр Петрович.

— А с какой стати?

— Да подруга его приехала. Гостит у тебя.

— Ко мне — его подруга?.. А какого же Огурцова?

— Того самого... твоего...

— Бери его себе, — усмехается Зубов, — еще приплачу.

— Нет уж, спасибо...

Егор Петрович подходит к столу.

— Ну как, партнер, сделаем пулечку?

— Кворума нет, — закусывая, отвечает Петр Петрович.

— Ты давай рисуй, сейчас подойдут.

Зубов приветливо протягивает руку Соне.

— Ну, познакомимся. Егор Петрович Зубов. А вас?

— Соня Орлова.

— Соня Орлова. А при чем тут Огурцов?

— Это мой лучший друг.

Зубов, издав какое-то междометие, хмуро отворачивается.

— Папа, — вмешивается в разговор Вера. — Соня — ленинградка. Я ее пригласила к нам... Она только сегодня приехала.

— Погоди, погоди, — останавливает ее отец и продолжает, обращаясь к Соне: — Ну, и дружка вы себе выбрали. Прямо скажу: не завидую.

Петр Петрович иронически хмыкает.

— А что плохого вы о нем можете сказать? — сдержанно спрашивает Соня, встретив недовольный взгляд Зубова.

— Да просто ничего хорошего, — отрывисто бросает Зубов. — И хватит.

Он отходит от Сони и садится у противоположного края стола.

— И больше в моем доме чтоб о нем — ни слова.

— Почему же? — с обидой вырывается у Сони.

— Да потому же! — хмуро парирует Зубов.

Соня приближается к Зубову.

— Я... я... — волнуясь, начинает она. — Я Степу знаю с детских лет...

— Вы-то его знаете, — обрывает ее Зубов, — да мы-то его знать не хотим.

— Да. Вот и все, — вторит ему Петр Петрович.

— Вы, пожалуйста... — вспыхивает Соня.— Если вам неприятно то, что я говорю... спасибо за гостеприимство, я уйду!

И, сдерживая слезы, порывисто бросается к дверям.

Натыкается на Людмилу Ивановну, идущую к ней навстречу с дымящейся кастрюлей.

— Ой! — вскрикивает мать, отводя в сторону кастрюлю.

— Ну-ка, ну-ка, назад! — решительно останавливает ее Зубов. — Вы, девушка... Соня? Так, кажется, вас?..

— Соня... — совсем по-детски, обиженно отворачивается она.

— Никуда вы не пойдете, — спокойно продолжает Зубов. — Не порите горячку... Да Огурцов и не стоит того, чтобы в этакую завируху, по морозу, из-за него топать.

— Ты лучше садись, — ласково предлагает Людмила Ивановна. — Пельмени будем кушать...

* * *

Надоедно хлещет проливной дождь.

Перед гостиницей «Астория» стоят два «ЗИМа».

Долговязый шофер опускает стекло бокового окошка, нажимает гудок, чтобы обратить на себя внимание своего соседа.

— Эй, друг, закурить нема? — окликает он Федю, сидящего в «ЗИМе» академика Веселова.

— Не занимаюсь этим, — отвечает Федя, в свою очередь опуская боковое окошко. — А это что, машина композитора Рощина?

— А ты откуда знаешь?

— Кто ж его не знает... знаменитость! На банкет его привез?

— Может, и на банкет, — доверительно сообщает шофер Рощина. — Только узкий: на две персоны.

— А как это понимать — с женой, что ли?

— Ну, я у них в загсе свидетелем не был, — подмигивает шофер, — но на такой бы и сам женился.

— Красивая?

— Перший класс! — с удовольствием причмокивает шофер, продолжая с воодушевлением: — Пальто зеленое. Платье зеленое. Шарфик — и тот зеленый! И сама... как молодая елочка!

Федя хмурится; догадавшись, о ком идет речь, он берет себя в руки и сдержанно замечает:

— Знаю я эту «елочку». Татьяна Николаевна ее зовут, да?

Сообразив, что сказал лишнее, шофер Рощина коротко бросает:

— Ну, уж это ты, брат, у кого-нибудь другого спроси.

И, подняв стекло бокового окошка, недружелюбно отворачивается.

Федя устремляет напряженный взгляд на ярко освещенную дверь гостиницы...

* * *

Просторный, со вкусом обставленный номер гостиницы: ковры, картины, мягкая мебель, рояль.

Через полуоткрытую дверь видна вторая комната.

У рояля — композитор Рощин, седовласый человек с мягкими чертами моложавого лица.

Рядом, облокотившись на крышку рояля, стоит приятель Рощина, приехавший из Москвы. Сбоку в кресле сидит Таня.

Рощин тихо проигрывает мелодию романса.

— Здорово, — попыхивая трубкой, заявляет приятель. — Это чей романс?

— Мой, — спокойно отвечает Рощин.

— Не может быть, — пожимает плечами приятель. — Ты — и романс.

— Да, вот видишь, до чего докатился, — с мягкой улыбкой шутит Рощин, — до чего дошел.

Он не замечает недовольной гримасы Тани и начинает негромко петь под собственный аккомпанемент.

Таня отходит к окну.

Тихо, задушевно звучит голос Рощина:

— Почему ж ты мне не встретилась,
Юная, нежная,
В те года мои далекие,
В те года вешние?..

Голова стала белою,
Что с ней я поделаю,
Почему же ты мне встретилась
Лишь сейчас...

За окном продолжается ливень. Капли дождя стучат в стекла. Отвернувшись от Рощина, Таня смотрит на улицу.

Рощин поет:

— Я забыл в кругу ровесников,
Сколько лет пройдено.
Ты об этом мне напомнила,
Юная, стройная.

Об одном только думаю —
Мне жаль ту весну мою,
Что прошла неповторимая
Без тебя.

Таня равнодушно прислушивается к пению, думая о своем. Приятель, увлеченный романсом, медленно подходит к Рощину и садится рядом.

— Как боится седина моя
Твоего локона.
Ты еще моложе кажешься,
Если я — около.

Видно, нам встреч не праздновать.
У нас судьбы разные.
Ты любовь моя последняя,
Боль моя... *.

*Текст песни Н. Доризо.

В соседней комнате раздается звонок телефона. Приятель Рощина вздрагивает и, очнувшись, торопливо бросает:

— Извини...

Он выходит в соседнюю комнату.

Рощин поворачивается к Тане, он ждет ее мнения о романсе. А она неожиданно, не говоря ни слова, пересекает комнату и идет в прихожую, к вешалке.

Рощин спешит за ней.

— Почему вдруг? — удивляется он.

— Вы думаете, я не поняла, о ком речь? — хмуро бросает она Рощину через плечо.

— Поняла? — радостно улыбается тот.

— Что уж там, — отчужденно отстраняется Таня. — Вы же сами сказали: до чего докатились.

— Дурочка... — шутит Рощин.

— Постараюсь поумнеть! — сухо парирует Таня и, сорвав с вешалки свой плащ с капюшоном, выбегает из номера...

* * *

Подъезд гостиницы. Открыв входную дверь, Таня с Рощиным останавливаются под навесом.

По-прежнему хлещет дождь.

— Но это ведь шутка, — пытается успокоить он Таню.

— Я всегда так и рассматривала наши отношения, — раздраженно бросает она.

— Ах, вот как... — удивленно вскидывает брови Рощин.

— С вашей стороны.

— Но неужели ты ничего не поняла из этой песни? Неужели ты уловила и запомнила только случайное слово, которым я просто прикрыл свое смущение, неловкость?.. Романс-то все-таки сахаринный.

— А мне чем прикажете прикрыть смущение и неловкость перед вашим приезжим другом? — зябко поеживаясь, резко отвечает Таня. — И с какой это стати вы привели меня в гостиницу?

Мимо них пробегают выходящие из гостиницы люди; некоторые оборачиваются, удивленно оглядывая Рощина и Таню.

— Прости, не подумал.

— Да-да, вы всегда думаете только о себе.

— Таня.... — останавливает ее Рощин, понижая голос. — На нас обращают внимание. Доссоримся в машине.

— Нет! И без этого ваш шофер слишком много знает. Поезжайте с ним. Я возьму такси.

— Хорошо, — коротко соглашается Рощин. — Будет такси.

И, подняв воротник, он отходит от подъезда, высматривая такси.

Увидев своего хозяина, шофер предупредительно открывает дверцу.

Но, что-то сказав ему, Рощин машет рукой, и тот отъезжает.

Придерживая намокшую шляпу, Рощин продолжает искать такси, но как на зло — ни одного зеленого огонька.

Тогда он быстро подбегает к «ЗИМу» Феди

и о чем-то просит, убеждает его. Потом машет рукой Тане, приглашая ее сесть в машину.

Она, ловко обходя лужи, идет к Рощину.

Он усаживает Таню в «ЗИМ».

Машина Феди трогается с места.

* * *

«ЗИМ» мчится по опустевшим улицам.

Подкатывает к дому, где живет Таня.

Капли дождя резко барабанят по боковым стеклам кабины.

— Вы сказали ему номер моего дома? — удивляется Таня.

— Может быть... не помню.

— Я не хочу здесь выходить. Проедем дальше... до угла.

Рощин наклоняется к Феде и дает ему распоряжение ехать дальше.

Мы видим лицо Феди, окаменевшее от напряжения.

Машина едет дальше. Останавливается на углу.

— А теперь уезжайте, — быстро говорит Таня, собираясь выйти.

— Я провожу тебя.

— Нет-нет, не надо, — выскакивая из машины, протестует она и уже на ходу бросает: — Я вам сама позвоню!..

Рощин выходит из машины и видит, что шофер (Федя), наклонившись над радиатором, что-то там чинит.

— Ну что — поехали? — нетерпеливо спрашивает композитор, шлепая по лужам.

— Не могу, — не глядя на него, отвечает Федя. — Ищите другого!

— На, держи! — говорит Рощин, поняв, что ему не переубедить заупрямившегося шофера. Сунув деньги, он уходит в противоположную сторону.

Федя, бросив возню с радиатором, брезгливо швыряет в сторону деньги и, без шапки, с намокшими волосами, бросается вслед за Таней.

— Подожди! — кричит он. — Таня! Подожди!

Он нагоняет ее у парадного.

Вздрогнув от неожиданности, Таня испуганно оборачивается.

— Кто это?!

— Это я!

Перед Таней — залитое дождем, взволнованное лицо Феди. Что-то новое, жесткое читает она в его сузившихся глазах.

— Фу ты... Прямо как из-под земли, — натянуто улыбаясь, силится пошутить Таня. — Ну скорей, побежали.

— Нет, постой. Нужно поговорить.

— Нельзя ли выбрать для этого более подходящую погоду? Ну, пошли. Дома поговорим.

— У нас больше нет дома, — глухо роняет Федя.

— У-у, да ты что, пьяный? — заглядывая ему в глаза, пытается балагурить Таня. — А ну, говори: где был? С кем гулял?

— Не кривляйся! — резко обрывает ее Федя.

— Хорошо, — с наигранной покорностью

соглашается она. — Выкладывай. Только поскорей; дождь все-таки...

— Нет уж, потрудись ты объяснить, что все это значит! — настойчиво требует Федя.

— О чем это ты?

— О твоем композиторе!

— А-а... — пожимает плечами Таня и добавляет сухо и резко: — Смешно и глупо. Рощин — папин знакомый. И виделась я с ним всего раза полтора за все время.

Она иронически качает головой.

— Нашел к кому ревновать... К пятидесятилетнему старику, подагрику. Хорошо же ты думаешь о своей жене!

— Не лги, Таня! — повышает голос Федя. — Я все знаю!

— Ладно, — усмехается Таня. — Что преступного в том, что он меня подвез?

— Вез-то вас я!

Этого Таня не ожидала. Слова Феди застали ее врасплох, и наигранным смехом она прикрывает свою растерянность.

— Да ты просто заговариваешься!..

По лицу Феди струится дождь. Он, едва сдерживая себя, тихо произносит:

— Как ты можешь смеяться, видя в глазах слезы?

— Слезы? — иронизирует Таня, кивнув головой в сторону улицы. — Да весь город залит такими слезами.

Хочет уйти.

— Таня! — резко окликает ее Федя.

— Что-о? — глядя на него в упор, она вызывающе приближает свое лицо.

Федя с силой, наотмашь бьет ее по щеке.

Она с криком отшатывается.

— Таня... — с испугом, опомнившись, обращается к ней Федя. — Танечка...

Он делает шаг к Тане, приникшей к мокрой стене.

Но та с ожесточением — крест-накрест — дважды хлещет его по лицу мокрой перчаткой.

— Ну, ты еще об этом очень пожалеешь! — угрожающе цедит она сквозь зубы и, резко повернувшись, стремительно убегает.

* * *

Рощин медленно появляется в прихожей своей квартиры. В дверях его встречает жена — Мария Валентиновна — красивая женщина лет тридцати восьми.

Увидев промокшую фигуру мужа, Мария Валентиновна с удивлением разглядывает его.

— Боже мой... Как промок. И что тебя заставило идти пешком в такую слякоть?

Рощин снимает набухшую шляпу, мокрое пальто. Садится, стягивает туфли.

— Костя выходной. И, как на зло, ни одного такси...

Мария Валентиновна протягивает ему домашние туфли.

— Ничего, ничего, Маша, я сам...

— Ты так смущен, — улыбается Мария Валентиновна, — будто был на свидании.

— Нет... почему?..

Он проходит к себе в кабинет. Надев пижаму, садится за рояль и, думая о своем, машинально проигрывает первые такты романса.

— Вот-вот, — подойдя к роялю, замечает жена. — Я хотела спросить: почему это ты вдруг написал романс?

— А что в этом предосудительного? — прерывая игру, холодно спрашивает Рощин.

— Конечно, ничего... Почему же ты выбросил его в корзину?

И она протягивает ему измятые ноты.

— Выбросил — так о чем же разговор?

Он подходит к окну. Закуривает.

— А по-моему, напрасно выбросил, — усаживаясь за рояль, сдержанно заявляет Мария Валентиновна. — И хоть впервые в жизни написал романс, а с большим чувством.

Неожиданно за спиной Рощина звучат первые такты его романса.

— «Почему ж ты мне не встретилась,

Юная, нежная...» — тихо напевает Мария Валентиновна.

Рощин вглядывается в лицо жены.

Та продолжает петь.

Он быстро подходит к роялю, берет ноты, рвет их.

— Пустяки...

— Нет, это серьезно. Зря разорвал. Вещь хорошая.

— Мне надоели твои отметки: хорошее, плохое, плохое, хорошее. Надоело.

Мария Валентиновна подходит к нему вплотную и говорит негромко, спокойно:

— Кому же, как не мне, говорить правду? А сладкую ложь, ласкающую тщеславие и самолюбие, пусть уж говорят тебе те, кому ты не дорог...

* * *

— Ну, скажите, за что... за что он меня избил?

Это говорит Таня. У нее слезы в глазах, горечь и обида в голосе. — Нет, пусть он ответит... пусть!

И мы видим большую аудиторию, где идет студенческое комсомольское собрание.

Горестно опустив голову, Таня направляется к своему месту.

Председательствующий о чем-то тихо советуется с президиумом. Машинально звонит, как бы призывая к порядку собравшихся.

С мест несутся реплики:

— Да что ты все время звонишь?

— О чем вы там шепчетесь?

— Ведите, наконец, собрание!

С места поднимается председательствующий. Он смущен. Пожимает плечами.

— А я не знаю, как такое собрание вести, товарищи, — откровенно признается он.

Шум, смех.

— Случай-то, сами знаете, какой, — смущенно продолжает председатель. — Не каждый же день у нас бьют по морде...

Новый взрыв смеха. Председатель звонит. Таня возмущенно смотрит на него.

— Прости, Таня, — наклоняет голову в ее сторону председатель и продолжает: — И кто? Федя. Самый тихий человек в институте. И потом... дело какое-то непонятное...

Председателю явно не по себе; он чувствует себя неловко, скованно, ему неприятно об этом говорить.

— Любимая жена... И вдруг такое заявление на любимого мужа... Нет, — решительно качает он головой, — я не могу такое собрание вести.

— Чего ты растерялся? — бросает реплику кто-то из сидящих.

— Костя! — обращается председатель к молодому парню, сидящему в первом ряду. — Ты — секретарь, ты и веди.

Секретарь — молодой, вихрастый паренек — спокойно поднимается с места и замечает:

— Заявление подано. Куда ж тут деваться? Продолжай.

— Морозов! Федя! — решительно начинает председатель. — Что ж ты молчишь?

Федя не отвечает.

— Товарищ Морозов. Федя... Мы же ничего не знаем. Просто голый факт: ударил. Ну, а почему?

Федя молчит.

И тогда студент, сидящий рядом с ним, тихо говорит ему:

— Пойми: в таком деле все равно не отмолчишься.

— Чего ты трусишь-то? — замечает второй приятель.

— Ну вот что, товарищ Морозов, — строго заявляет председатель. — Собрание требует от тебя ответа. И все!

Медленно поднимается с места Федя и, опустив голову, идет к столу президиума.

По рядам присутствующих проходит гул голосов.

Таня напряженно следит за Федей, который, подойдя к небольшой трибуне, останавливается в молчании.

Председатель нетерпеливо звонит, призывая к порядку комсомольцев.

— Тебя слушают, Федя, — обращается он к Морозову. — Говори.

— Да, — начинает Федя прерывающимся голосом. — Во всем виноват я... один. Я.

Шум голосов.

С места вскакивает девушка с косичками.

— Но как это произошло? За что? Почему? Объясни же! Объясни, в конце концов.

Шум голосов усиливается. Несутся реплики:

— Да, верно, пусть объяснит.

— Говори!

— Объясни!

Он отрицательно качает головой.

— Товарищи, — силится успокоить присутствующих председатель. — Товарищи!

— Я объясню! — неожиданно заявляет Таня и быстро идет к трибуне.

Федя пересекает ей дорогу и тихо, неслышно для других, говорит:

— Таня, подумай о себе.

— Не шепчи, — отмахивается она от него и громко продолжает: — У меня от товарищей секретов нет. Нет!

Он идет на свое место.

— Так вот, — решительно заявляет Таня. — Вдруг Морозов, видите ли, приревновал меня.

Гул голосов. Председатель звонит.

— И к кому... и к кому бы вы думали?

Ей-богу, даже смешно... к человеку, который мне в дедушки годится...

Смех в зале. Председатель звонит.

— ...Да еще нашел где объясняться: на улице, под дождем. Если бы вы только видели эту мелодраму. С таким, знаете, надрывом. Говорит: «видишь, у меня — даже слезы...». Ну, я естественно, все хотела перевести в шутку. Шел дождь, я ему сказала, что это — не слезы, а просто так — дождевая водичка...

Негодующие голоса в зале.

— И вдруг ни с того ни с сего он стал зверски избивать меня...

В голосе Тани — слезы.

— За что? Я вас спрашиваю, за что?

И склонившись на трибуну, она плачет.

Шум голосов.

И вдруг вырывается один — звонкий, девичий, гневный:

— Дрянь! И какая же ты все-таки дрянь! Да тебя за такие слова мало избить!..

Возбужденный шум аудитории. Звонки председателя. Реплики: «Правильно!»

Таня отходит от трибуны в угол, поворачивается к колонне, плачет...

* * *

Комната Морозовых.

Федя лежит на тахте. Мы видим его лицо, едва освещенное светом, пробивающимся через окно с улицы.

Входит Мария Яковлевна, мать Феди. Она зажигает свет, ставит на стол кастрюлю.

— Что с тобой? — окликает его мать.

— Да все хорошо.

— Мне кажется, ты чего-то раскис. Может быть, нездоров?

— Каждую минуту, мама, ты справляешься о моем здоровье.

Она подходит к тахте, присаживается.

— Я решительно тебя не узнаю.

— А что — осунулся, похудел?

— Нет, стал просто груб.

— И очень сожалею, — вдруг вырывается у Феди, — что был нежным, покорным, словом, простоквашей.

— Кто тебя обидел, сынок? — ласково говорит мать, мягко прикасаясь к его волосам.

— Смешно, — поводит бровью Федя. — Обидел, сынок... Но я ведь не ребенок, мама. Слава богу, был женат.

— Почему — был?

— Мама... — перебивает ее Федя. — Разреши, я отдохну.

И он отворачивается к стене.

— Успокойся, — тихо говорит мать. — Время — хороший врач. Помиритесь.

— Нет... Тебе этого не понять.

— Попробуй,— улыбаясь, замечает мать. — Расскажи. Ведь я всегда тебя понимала с полуслова.

Федя молча встает с тахты, закуривает.

— Ты что, куришь? — удивляется мать.

И слышит глухой голос сына:

— Меня сегодня... чуть не исключили из комсомола.

Едва вникая в смысл его слов, мать поднимается с места.

— Это за что же?

— Ударил... — затягиваясь дымом, с трудом произносит Федя. — Избил...

И мать сразу все поняла.

— Таню?

Она взволнованно подходит к нему.

— Не может быть.

— Было.

— Но как же ты мог... как же ты мог дойти до такого.. до такого скандала?! Господи... Ты с ума сошел!..

— Ну... ну... — с трудом силится ей что-то объяснить Федя. — Ты же не знаешь, за что...

— И знать не хочу!

Ее невольные упреки ожесточают и без того раздраженного Федю.

— А говорила — пойму с полуслова. Ведь говорила же: пойму с полуслова...

— Этого понять нельзя... нельзя!

— Просила поделиться, душу открыть... А сама... — Затянулся папиросой, закашлялся и резко открыл дверь.

— Федя! — несется ему вдогонку.

Он выбегает в коридор, чуть не сбив с ног соседку, которая подслушивала их разговор.

Соседка — этакая подкрашенная девица в вызывающе броском наряде — вскрикивает:

— Ой! Какое нахальство!

— Вот именно! — подчеркивает Федя и быстро идет по коридору к выходу.

— Я потребую собрания жильцов! — визжит соседка.

* * *

Тревожный звонок. Один, второй.

Лает собака.

С постели вскакивает Таня, набрасывает халатик, бежит в переднюю, куда на шум сходятся мать и отец.

Продолжаются звонки. Собака надсадно лает.

— Папа! Кто там? — испуганно восклицает Таня.

— Погоди, — успокаивает ее отец и повышает голос.

— Кто там?

Из-за дверей до них доносится голос:

— Извините, это я, Федя...

Собака лает все громче.

— Замолчи, Анчар! — приказывает отец. И, приблизившись к дверям, резко переспрашивает: — Кто там?

— Извините, Николай Капитонович... — слышится голос Феди, но собака громко лает, заглушая его.

— Забери собаку, Таня.

Таня, быстро схватив Анчара за ошейник, отводит в сторону.

— Кто? Кто? — напряженно прислушивается отец.

— Федя...

— А-а...

Николай Капитонович резко распахивает дверь.

— Вы? Осмелились прийти?

— Извините, Николай Капитонович.

Видя раздраженное лицо обычно спокойно-

го и сдержанного отца Тани, Федя очень смущен.

— А я-то... старый дурак, — с горечью продолжает Николай Капитонович, — думал: вот человек... серьезный, молодой, новый. А вы...

За его спиной Федя видит испуганные и растерянные лица Тани и ее матери.

— Вы избиваете свою жену!

— Понимаю, я не прав, Николай Капитонович, но...

— Никаких «но»!

— Поверьте, мне стыдно... поэтому я и пришел.

Николай Капитонович уже хочет захлопнуть дверь, но задерживается, прислушиваясь к словам Феди.

— Не о чем с ним разговаривать! — кричит Таня. — Не о чем!

— А ты молчи! — отмахивается от нее отец.

Елена Семеновна подходит к Николаю Капитоновичу.

— Коля, ты почти раздет... простудишься.

— Ладно...

— И закрой, наконец, дверь.

— Ну, если вам холодно, — сердито поворачивает к ним голову отец, — уходите! Дайте мне поговорить с человеком.

Он выходит на лестничную площадку.

Елена Семеновна, внимательно вглядываясь в изменившееся лицо Феди, тоже выходит на площадку, закрывая за собой дверь.

— Больше всего... мне неприятно перед вами, Николай Капитонович... — с горечью начинает Федя.

— Зайдите, Федя, к нам, — понимающе кивает головой отец. — Зайдите, поговорим.

— Ничего, спасибо... Я почти не помню своего отца... но, когда я попал в ваш дом...

У него осекается голос. И настолько искренне звучат слова Феди, что Николай Капитонович, забыв о своей отцовской обиде, весь так и тянется к нему. Неожиданно даже для себя он говорит:

— Да-да... я чувствую: вы действительно любите Таню.

— А я не хочу его видеть, — резко распахнув дверь, Таня вырастает за спиной матери. — Не хочу!

— Таня... — укоризненно останавливает ее мать.

— Закрой дверь, Таня! — угрожающе требует отец и делает шаг к дочери, не замечая, что снизу по лестнице к Феде приближается его мать, которая давно прислушивалась к их разговору.

— Мама... — вырывается у Феди.

— Уйди! — требует от Тани отец.

— Уходи, Таня, — говорит мать и закрывает перед ней дверь.

— Здравствуйте, Мария Яковлевна, — приветствует Николай Капитонович мать Феди.

Едва кивнув ему головой, Мария Яковлевна твердо заявляет:

— Идем, сын... Сейчас же уходи отсюда. Тебя здесь не любят.

— Мария Яковлевна... — пытается остановить ее Елена Семеновна.

— Иди! — решительно взяв за руку сына,

говорит Мария Яковлевна и уводит его с собой.

Они медленно спускаются по лестнице.

Мать и отец Тани, проводив их взглядом, возвращаются к себе.

Таня сидит в кресле и треплет собаку, прижавшуюся к ее ногам.

Отец молча проходит мимо.

— Еще объясняться пришел! — вызывающе восклицает Таня.

Медленно повернув к ней голову, отец жестко бросает:

— Да, я с комсомолом согласен. Ты действительно дрянь!..

Таня обиженно вскакивает и, толкнув собаку, уходит вместе с ней. Отец тяжело опускается на стул.

Елена Семеновна подходит к мужу, кладет ему руки на плечи.

— Коля...

— Стыдно людям в глаза смотреть, — с болью перебивает ее Николай Капитонович.

* * *

Заседание цехового партийного бюро ведет парторг Петрунин — человек с неторопливыми движениями и бесстрастным выражением лица.

Члены партийного бюро. Их девять человек. Среди них — начальник цеха Зубов, старые мастера — Иван Романович Сергейчук и Василий Антонович Копров. Здесь же Степа Огурцов и Виктор Галкин — комсорг цеха.

Петрунин перелистывает страницы «личного дела» Огурцова.

— Ну вот, заявление, анкету, рекомендации читали... Мнениями обменялись. Все нормально. Голосую. Поступило предложение принять Огурцова в партию... то есть в кандидаты партии. Кто за?

Голосуют Сергейчук, Копров и еще двое членов бюро.

— Так. Четыре... Кто против?

Поднимают руки Зубов и с ним — еще трое.

— То же. Поровну.

— А ты, Петрунин? — интересуется Копров, видя, что тот не голосовал ни за, ни против.

— Я?.. Я — пятый.

Он встает.

— Все нормально. Повестка исчерпана.

— А что нормально? — вскакивает с места комсорг цеха Виктор Галкин. — Одну минутку, товарищи. Слышь, как это понимать?

— Так и понимать, как полагается, — невозмутимо резюмирует Петрунин.

— Не понимаю, — горячится Галкин. — Не понимаю, как мне понимать полагается.

— Подчиняться большинству. И все.

— Нет, не все! — решительно подчеркивает Галкин.

— А что?

— А ты подумал, как Огурцов выйдет отсюда? Что скажет товарищам? Почему не приняли? За что?

— За что-о? — уныло тянет Петрунин. — Что ты вскочил как докладчик? Я считаю, что с его характером рано в партию. И все.

— Почему это рано? — возражает кто-то из присутствующих.

— А я вот читал программу и устав партии, — горячится Галкин. — Конечно, не полное собрание, но и Ленина читал, ну и...

— Ну и что? — бесстрастно переспрашивает Петрунин.

— И нигде не сказано, с каким характером надо принимать в партию.

Смех. Одобрительные реплики.

— Подожди, — улыбаясь, осаживает Галкина мастер Василий Антонович Копров, высокий, сухопарый человек с чисто выбритым морщинистым лицом. — Если о характере речь — так, на мой взгляд, у Степана — самый подходящий.

— Так вы ведь понимаете, о чем я хотел сказать, — тянет Петрунин, — о поведении...

— Что да, то да, — соглашается Копров. — Поведение у него действительно неважное.

— О! — одобрительно восклицает Петрунин, делая жест в сторону Галкина: дескать, слушай правильные слова.

— Да, — добродушно продолжает Копров, иронически поглядывая на Зубова. — Некоторым шибко авторитетным...

Зубов обеспокоенно смотрит на Копрова, а тот продолжает как ни в чем не бывало:

— ...шибко авторитетным не дает спать спокойно.

— Что? — не понимает Зубов.

— Да вот то!

— Характер... поведение... — возмущается Галкин. — Вы подумайте, что наворочено?

— Тише, тише... — останавливает его Петрунин.

— Что там — тише! Парень прямо из школы — на завод. Трех лет еще не прошло — и уже бригадир. И какой — дай бог всякому. Да вот он весь тут — у всех на виду.

— Даже слишком на выставку лезет, — хмуро бросает Зубов. — А этому есть название.

— Какое?

— Сам знаешь.

— Опять же человек он без выдержки. И дерзкий. Это тоже факт, — невозмутимо подчеркивает Петрунин.

— И чего ты всех делишь на чистых и нечистых, — усмехается Копров. — А сам-то попробуй — отмойся дочиста.

— Можно подумать, Петрунин, что ты святой, что у тебя крылья на пиджаке. А?

Эту фразу произносит Иван Романович Сергейчук — небольшого роста, подвижной человек. Ему лет под шестьдесят. У него пепельные с большими пролысинами волосы, высокий лоб с выступающими надбровными дугами, пышные усы, под которыми кроется улыбка, не поймешь — одобрительная или насмешливая.

Язвительная фраза Сергейчука вызывает смех.

— Опять обсуждение, — поморщившись, говорит Петрунин. — А ведь мы, кажется, голосовали... Одним словом, заседание закончено.

Отодвигая табуреты и стулья, шумно поднимаются члены бюро.

Степа резко направляется к дверям.

— Как хотите, — преграждая им путь, решительно заявляет Степа, — а я никого не выпущу.

— Ну что, Копров, что, Галкин, кто прав? — мямлит Петрунин. — Теперь вы сами видите, как он себя показывает? Что, нормально?

— А вы хотели, чтоб я заплакал? — сдержанно спрашивает Степа. — Со слезами у вас, Петрунин, просил: примите меня?.. Право быть в партии не выплакивают. Достоин — примут.

— Вот, наконец, сам понял, — удовлетворенно подчеркивает Петрунин.

— Я знаю, почему о моем характере заговорили, — сдержанно продолжает Степа. — Правда для некоторых тут хуже горькой редьки.

— А почему же правда у нас такая горькая? — холодно переспрашивает Зубов. — Каждый месяц — сто три процента.

— Да-да, — подчеркивает Степа. — Сто три. И заметьте: каждый месяц. Из года в год. И вот уже подряд три года.

— Неправда, — перебивает его Сергейчук.

— Чего?

— Было и сто двенадцать процентов, — напоминает многозначительно Сергейчук.

— Это когда же? — недоуменно интересуется Галкин.

— Не помню, — со сдержанной иронией продолжает Сергейчук. — Но в милиции можно справиться.

— А при чем тут милиция? — смеется Петрунин.

Все улыбаются.

— Чего вы?.. — пытаясь сохранить серьезность, оглядывается по сторонам Сергейчук. —

Там зарегистрировано, когда себе Егор Петрович машину купил. Зарегистрировано?

— Позволь... постой, — теряется Зубов. — Ты это про что?

— А про то, — спокойно продолжает Сергейчук, — когда тебе «Победу» захотелось — цех почему-то сумел дать сто двенадцать процентов. А когда купил ты автомобиль, съехали мы обратно на сто три. Хоть и новые печи в цехе появились.

— Да ты... договаривай, — волнуется Зубов. — Шкурник Зубов? Да?

— Зачем так? — пожимает плечами Копров. — Но бухгалтерия итальянская... просто скажу — двойная. Не сколько можем — даем, а сколько хотим — столько и даем.

— Да, — язвительно подчеркивает Сергейчук. — Девять процентов в своем кармане на всякий пожарный держим.

Зубов громко сморкается в платок. Встает, идет к выходу.

— Да вы что же, — вдогонку ему несутся слова Петрунина, — до слез довели человека. И кого?

Степа преграждает Зубову дорогу.

— Нет, Егор Петрович, раз уж такой подходящий случай выпал, давайте хоть сегодня до чего-нибудь договоримся.

— А я уже говорил, — четко парирует Зубов. — И еще раз повторю: жалуйтесь хоть куда — хоть директору, парторгу ЦК, пишите в газеты... пока я жив, цех не дам тянуть назад!

— Иван Романович! — удивленно воскли-

цает Степа, обращаясь к Сергейчуку. — Разве новая технология, которую мы предлагаем, это «назад»?

— Говори, говори! — подбадривает его Сергейчук.

— Шестьдесят лет без малого ждал такого педагога, — иронизирует Зубов. — Наконец явился. А ну-ка, — обращается он к одному из членов бюро, — позволь.

Тот уступает Зубову место. Зубов садится, демонстративно предлагая Степе: — Учи!

— Опять же модели, ящики, опоки и плиты устарели, — убеждает его Степа. — Отсюда что? Перекосы в отливках. И, конечно, припуски на деталях.

— Пять с плюсом заработал, — с издевкой замечает Зубов.

— Я — серьезно.

— Я — тоже.

— И когда они поступают на другие заводы... — убежденно продолжает Степа, — я ездил — смотрел... там-то и начинают над ними потеть.

— Их забота! — бросает Зубов.

— Тратят там, Егор Петрович, на обработку наших деталей, думаете, минуты? Часы!.. И изобретают там разные резцы, чтобы наши грехи затачивать. При такой картине получается: нам премия и им. Они — не в обиде. И мы — тоже. Все — не в убытке. Кроме государства.

— Ишь какой государственный деятель объявился, — раздражается Зубов. — Заботится о всей стране. А кто это тебе поручил? Не

твоя ли школьная учительница?.. Так я уже забыл то, чему тебя учили.

— И очень жаль!..

* * *

Комната в женском общежитии. Стол. Несколько коек. На окнах аккуратные занавесочки. На стенах, над койками, разноцветные коврики из штапеля и парусины, некоторые из них — с затейливой вышивкой собственного производства. За столом сидит несколько девушек.

На одной из коек — в центре — лежит Соня; она нездорова.

— Сколько натянуло?

Одна из девушек берет у Сони термометр.

— Тридцать восемь... обожди, обожди... и четыре. Девочки, тридцать восемь и четыре.

В комнату вбегает одна из подруг — Галя.

— Ой, девочки, — сбрасывая с себя платок и пальто, возбужденно тараторит она. — Вы, наверное, ничего не знаете. Да?

— А что? Что случилось?

— Налейте-ка чайку стаканчик, — просит она сидящих у стола.

— Слегла, да? А я ведь утром говорила ей: зайди в медпункт. Ведь говорила же?

— Ну, ладно. Что там произошло?

— По-моему, пропадает парень, — тараторит Галя. — Вы знаете, девочки, как я люблю украинскую колбасу, знаете ведь? Да?

— Знаем.

— А «Гастроном» выходной. Думаю: не ехать же в центр. Думаю... И как раз в это вре-

мя прохожу мимо закусочной. А-а, опять думаю: наплевать на все условности — зайду и куплю. И надо же!.. Вижу — компания знакомых ребят из сталелитейного. Вот-вот запоют «Шумел камыш, деревья гнулись...» И, спорим, — не догадаетесь, кто заводила. Надо же, а?

— Кто бы ни был, все равно.

— У него и так столько неприятностей, — скороговоркой продолжает Галя, — в партию не приняли, говорят, из цеха выгонят. А он себе еще хуже делает.

— Кто же он? О ком ты говоришь? — интересуется одна из девушек.

— Нет! Не обижайтесь, девочки, это я могу сказать только Соне.

Склонившись над лежащей Соней, Галя что-то шепчет ей на ухо. Та отрицательно мотает головой.

— Не веришь? — удивляется Галя. — Вот честное комсомольское — Степа.

— Ох! — вырывается у Сони, и она делает попытку медленно встать с постели...

* * *

Закусочная. Здесь, в стороне, среди немногочисленных посетителей сидит у столика Степа с несколькими товарищами; они, как и Огурцов, учатся на вечернем факультете института.

На столе — пивные бутылки, закуска.

Ребята уже выпили. И в тот момент, когда к ним подходит официантка с очередной бу-

тылкой — на сей раз водки, — появляются Соня и Галя.

— Степа, — тихо зовет его Соня.

— А-а, — улыбаясь, приветствует ее Степа. — Соня?.. Садись, пожалуйста...

Он делает неуверенное движение, показывая на стол, на друзей.

— А мы тут, понимаешь...

— Вижу.

Соня подсаживается к Степе, с упреком разглядывая его и его приятелей.

— Вот... — представляет ее своим друзьям Степа. — Это, значит, Соня. Подруга. С детства мы...

— Степа, идем отсюда.

— То есть, что значит — идем? — пожимает плечами один из приятелей.

— А мы? — басит другой. — Компания все-таки...

— Идем, — настойчиво повторяет Соня. — Прошу тебя...

— Постой, постой... — смущенно улыбается Степа. — Ну, зачем так. Ты все-таки мне ни родственница, ни жена.

— А я больше чем родственница, — вырывается у Сони.

— О-о-о!.. — иронически гудят приятели.

— И тебе здесь нечего делать. Пойдем.

— Ты думаешь, мы алкоголики? — басит второй. — А мы — соученики.

— Степка не в духе, — объясняет третий. — Выпили по маленькой. Тихо, мирно. Без всякого всего. Скажешь — нельзя?

— Бросьте вы! — резко обрывает их Соня.

— Комсомольские значки бы сняли! — вмешивается в разговор Галя.

— Чего-о?

— Смотри, как расселись! — возмущается Соня.

— Послушайте! Вы с кем так разговариваете? — грозно вопрошает тот, что с басом. — Что мы — хулиганы какие-нибудь?..

— А ты молчи, — одергивает его Степа. — Это — подруга моя. Понял? И не баси на нее.

— Подруга? — обиженно переспрашивает второй приятель. — А мы кто?

— Эх ты... — насмешливо тянет третий. — Из-за какой-то девки ты...

— Девки?!

В глазах Степы вспыхивает ярость; он с трудом сдерживает себя.

— Какая она тебе девка?.. Ребята, я же говорил: это Соня, подруга... Извинись, слышишь?

— А я не обижаюсь, — миролюбиво говорит Соня, стараясь разрядить атмосферу. — И ничего он такого не сказал. Правда?

— Сказал! — мрачно тычет в сторону приятеля тот, что с басом.

— Так ведь это же шутка, — продолжает Соня.

— Извинись! — требует Степа.

— Шутка...

— А я настаиваю.

— Она не обижается, — поддерживает Галя подругу.

— А ты... — поворачивается к ней Степа.

— А я больная пришла, — торопливо замечает Соня. — И у меня температура. Скажи, Галя.

— Скажи, — требовательно смотрит Степа на Галю.

— Тридцать восемь и пять.

— И, может быть, даже ангина, — подчеркивает Соня.

— Да? — изменив тон, переспрашивает Степа, глядя на Соню.

— Да. Пойдем, — настаивает Соня.

— Ребята, — смягчившись, улыбается Степа. — Кто «за», прошу поднять...

— Рюмки, да? — басит приятель.

Степа и Соня встают из-за стола. Они смотрят друг другу прямо в глаза.

— Пойдем, а? — настойчиво твердит Соня.

Степа молча кивает головой, улыбается, уходит вместе с Соней.

* * *

Соня и Степа медленно поднимаются по лестнице, направляясь к квартире Сергейчука.

С непривычки Степу от выпитого совсем «развезло».

— Тебе стыдно за меня? Да? — тихо спрашивает он.

— Глупости говоришь. Идем.

И, взяв его за руку, тянет за собой.

— Постой.

— Ну, что?

— Стой!

Степа садится на ступеньку лестницы.

— Ты ж больна. А я все о себе да о себе. Пойдем к врачу.

— Поздно уже, Степа, поздно.

— Да я для тебя кого угодно разбужу. Не веришь?

— Верю, верю.

— Верим, верим, — несется сверху голос Сергейчука.

Он, позевывая, спускается вниз по лестнице.

— Меня так уже разбудил.

— Здравствуйте, Иван Романович, — ласково приветствует его Соня.

— Здравствуйте. — Сергейчук разглядывает понурую фигуру Степы.

— С какой же это радости он в таком виде?

— Так я... — робко заступается Соня. — С досады, наверное.

— Нянчишь свою обиду, Степа, да?

Степа совсем по-детски смущен, растерян.

— Виноват. Ну, виноват, Иван Романович...

Он тянется к Сергейчуку, пытаясь его поцеловать в подбородок.

— Виноват...

— Подожди, — отмахивается от него Сергейчук, поморщившись. — Фу-у... Этак и захмелеть недолго.

— Первый раз в жизни, — беспомощно разводит руками Степа. — Скажи.

Это — к Соне: поддержи, мол, подтверди.

— Ага, — с готовностью подтверждает Соня.

— Нет, что ни говорите, — сурово подчеркивает Сергейчук, — не ожидал я от тебя такого факта.

— Так, может, я тогда...

Степа делает движение в сторону, как бы говоря: может, мне, дескать, убираться.

— Дурак, — обрывает его Сергейчук.

— Да? — растерянно переспрашивает Степа.

— Да.

Степа с трогательной беспомощностью покорно идет к дверям.

— Конечно, я не оправдываю, — тихо говорит на ухо Сергейчуку Соня, — но его тоже понять надо. Шутка ли, что произошло.

— Степа, — окликает его Сергейчук. — Повремени чуток. Квасу принесу, полегчает.

Соня и Степа входят в комнату Сергейчука.

Соня помогает Степе снять полушубок.

— Ничего, Соня, ничего...

— Конечно, конечно, — успокаивает его Соня.

Стук в дверь.

— Да! — откликается Степа.

Входит человек высокого роста в черном пальто и в шапке-ушанке. У него внимательные с прищуром глаза, открытое, располагающее к себе лицо.

— Подожди, — грозится Степа, — не обращая внимания на вошедшего. — Я еще до парторга ЦК дойду, до Жукова...

— Здравствуйте, — приветствует их вошедший.

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, отвечает Степа и продолжает: — Все как есть ему расскажу. Все!

— Ну давай, валяй, — спокойно предлагает вошедший.

— Чего — давай?

— Рассказывай.

— Ну, это кому надо — тому и расскажу.

— Вот мне и надо.

— Это почему же?

— Да потому, что я и есть — Жуков.

— Ха-ха! Видала? — озорно вскрикивает Степа.

— Степа!.. — укоризненно останавливает его Соня.

— Ну да? — понизив голос, косит он глазом в сторону Жукова и пытается встать.

— Ты сиди, сиди, — с улыбкой говорит ему Жуков.

— Садитесь, — предлагает Степа.

— Ничего.

Жуков усаживается рядом с ним.

— Смотрите, — растерянно улыбается Степа. — Я же вас знал — и не узнал.

— Сейчас ты и родную тетку не узнаешь.

— Ну?! Приехала?! — оглядывается по сторонам Степа.

— Погоди, погоди, — сдерживает улыбку Жуков. — Вот вызовем — надерет она тебе уши.

— Я ведь, честно говоря, — сконфуженно начинает Степа, — давно к вам собирался, товарищ Жуков.

— В пивную пригласить?

— Что вы? — еще более конфузится Степа. — Я же первый раз в жизни такое позволил.

И — снова к Соне за поддержкой:

— Скажи, да?

— Да-да, — поспешно подтверждает Соня.

Держа в руках кувшин с квасом, входит Сергейчук.

— Владимир Сергеевич, — приветствует он Жукова. — Рады, рады. По какому случаю?

— По случаю вашего предложения, вашего метода.

— А-а, очень рады.

— Рады, — словно эхо, подхватывает Степа.

— Кваску выпей, Степа, — тихо предлагает Соня.

— Да этому ребенку лучше парного молока дайте, — улыбается Жуков.

— Это уж вы чересчур, товарищ Жуков, — обиженно хмурится Степа.

— А что? От первого ветра да так гнешься?

— Ничего подобного, — упрямо возражает Степа. — Не так воспитаны. В одной школе учились. Скажи!

Соня молча подтверждает.

— Не знаю, что она скажет, а я слышал: одни говорят — бузотер Огурцов, другие, наоборот, хвалят. Говорят: борец, новатор, беспокойная душа. А я скажу: никогда не думал тебя таким увидеть.

Он встает.

— Так что у нас разговора пока не будет. До свидания.

— До свидания, — упавшим голосом отвечает Сергейчук.

Жуков жмет руки Сергейчуку, Соне и, не замечая протянутой руки Степы, уходит.

— Я сейчас, Степа, — торопливо говорит Соня и, накинув на голову платок, бежит вслед за Жуковым.

Степа опускает голову.

— Видал, как получилось? — укоризненно спрашивает Сергейчук.

— Да, — грустно вздыхает Степа. — Теперь все...

* * *

Жуков выходит на улицу. Его настигает Соня.

— Что же теперь будет, Владимир Сергеевич?

Жуков оборачивается, вопросительно глядит на девушку.

— А вас-то как зовут?

— Соня, — поспешно отвечает она. — Что же будет?

— Ничего особенного. Поспит и протрезвится.

— Вот вы не поверите, а ведь это с ним впервые.

— Так оно и видно.

— Но ведь такое же может со всяким случиться. Правда?

— Правда. В жизни все бывает. И первая стопка, и первая папироса.

— Вот спасибо, — широко улыбается Соня. — Значит, вы на него не сердитесь, да?

— Как можно. Сам грешен.

— А он переживает!..

И не успевает ей ответить Жуков, как она радостно и стремительно возвращается назад.

* * *

Кабинет начальника цеха.

Здесь — Зубов, Петрунин, Жуков.

— Слушай, Егор Петрович, — перелистывая какую-то книгу, интересуется Жуков. — А эту книжку ты написал?

— Чего спрашиваешь? Сам видишь, — показывает тот на титульный лист. — «Зубов, Егор Петрович».

— А вот это — тоже ты написал?

— Чего?

— А вот. «На память моему лучшему ученику и преследователю...».

— Последователю, — поправляет его Зубов.

— Да, прости, «последователю». — Пряча улыбку, Жуков продолжает читать дарственную надпись: — «Смотри, Степа, всегда вперед. Пусть мой опыт станет твоим. Зубов».

— Ну и что? — недоумевает Зубов.

— Как — что? Вот Степа — он внимательно прочел твою книжку, а ты...

— А я ее писал.

— Ты? Не может этого быть.

Зубов растерянно смотрит на Жукова, не понимая, чего он от него хочет.

— Вот тут на тридцать пятой странице написано...

Жуков листает книгу, разыскивая нужную страницу.

— Вот. «Применение при формовке специальных материалов требует новой и точной оснастки. Эта технология обеспечит минимальные припуски на литых деталях...».

Жуков иронически пожимает плечами.

— Как же так? Сам это сочинил и сам против этого восстаешь?

— Ну-ка, ну-ка, покажи, — растерянно тянется к книжке Зубов.

Найдя то место, которое цитировал Жуков, он раздражается:

— Вот черт! И кто его просил?

— Кого?

— Синичкина.

— Кто еще такой?

— Да из редакции тогда прислали. Это же он написал.

Жуков, не выдержав, громко хохочет.

— Тебя передовым человеком считали, а на поверку-то выходит — новатор не ты, а какой-то Синичкин, — продолжает смеяться Жуков.

— Но он же писал-то с моих слов.

— Значит, идея твоя, — выручает Зубова долго молчавший Петрунин.

— Наконец и Петрунин это понял, — иронизирует Жуков. — Ну, конечно, твоя.

Жуков подходит к Зубову, садится рядом.

— Вот тебе и отвечать за невыполнение плана не только как начальнику цеха, но и как автору той идеи, которую в борьбе с тобой отстаивают Огурцов и Сергейчук.

Он разводит руками.

— Любопытная ситуация, скажу я тебе...

— М-да, — мрачно вздыхает Зубов, чувствуя, что окончательно запутался.

— Петрунин, — продолжает Жуков, обращаясь к парторгу цеха. — Какое дело, а? И чего только нельзя было бы тут припаять Зубову: и лженоватор, и дутая величина, и мыльный пузырь, и т. д. и т. п.

Он внимательно всматривается в бесстрастное лицо Петрунина.

— Да, кстати, я хотел уточнить: у тебя-то техническое образование?

— Ничего, — самонадеянно ответствует Петрунин. — Я тут партийным словом больше делаю, чем любой инженер.

— А цех растет. Ему не речи, а знания нужны.

— Я тянусь... — уныло убеждает Петрунин.

— Тянешься, но, к сожалению, в хвосте.

С необычной для него поспешностью Петрунин вскакивает с места.

— Я потребую поставить этот вопрос в партийном порядке! — возбужденно бросает он Жукову.

— А он уже стоит, — спокойно резюмирует Жуков. — И в партийном порядке.

Жуков направляется к выходу.

— До свидания, Егор Петрович.

— Счастливо, — думая о своем, тихо произносит Зубов.

* * *

Квартира Зубовых. В передней появляется начальник отдела кадров.

— Ну, Егор Петрович... дела-а-а.

Он раздевается у вешалки.

— Добрый вечер, Петр Петрович, — приветствует его Людмила Ивановна, направляясь в столовую с тарелками в руках.

— Ну, для кого добрый, — многозначительно бурчит Петр Петрович, — для кого — не очень.

— Опять что-нибудь не так?

— Да нет, ничего особенного...

И он входит в столовую, где обедает Зубов.

Егор Петрович безучастно тычет ложкой в свою тарелку, уставившись в одну точку.

Есть Зубову не хочется. У него хмуро сдвинуты брови и играют желваки на скулах.

Людмила Ивановна, видя его состояние, бесшумно движется по комнате: она то приносит еду, то уносит посуду.

— Плохо, брат, — уныло сообщает Зубову Петр Петрович, подходя к столу и усаживаясь рядом. — Остался ты — без трех при птичке. Так что отыгрывайся, отбивайся.

Он заглядывает в тарелку Зубова.

—А-а, щи хлебаешь?

Укоризненно покачав головой, добавляет как бы невзначай:

— У меня сегодня запросили личное дело Сергейчука. До чего оборотистый старичок, а? Я тебе давно говорил: гони ты его из цеха вместе с Огурцовым. Говорил, а?

— Ладно, будет... — хмуро перебивает его Зубов, пододвигая к себе второе блюдо.

— Ладно? — переспрашивает Петр Петрович. — Ничего не ладно. У него же — все козыри: стаж, опыт... Что?

Зубов молча и напряженно слушает Петра Петровича, глядя в тарелку.

— Нет, — продолжает Петр Петрович с напускным равнодушием. — Я говорю: слушок

прошел по общежитию, что, мол, иссяк Зубов, ну там зазнался. В общем — подкоп...

Он наливает себе стопку водки, выпивает и, пододвинув тарелку со щами, понизив голос, советует:

— А ты им тем же. Они тебе слово, а ты — десять. К примеру, выпил Степка разок — говори: алкоголик. Опоздал... ну, пусть даже на минуту — пиши: прогул. Живет у Сергейчука — семейственность. Заминка с планом — кричи провал!..

Он спокойно ест щи, деловито заключая свою мысль:

— Дело простое, я знаю...

— А ты-то что волнуешься, — не глядя на него, интересуется Зубов, — все время мне в ухо дуешь?

— Ну, во-первых, мы старые приятели.

— А во-вторых?

— А во-вторых, чего же скрывать: земля вертится, может, завтра и мне кисло придется, а к Зубову и в Москве всегда прислушиваются.

— Пять тысяч — на заводе, — задумчиво говорит Зубов, обращаясь к жене. — И подумай: кого я в приятели выбрал?

И неожиданно бросает прямо в лицо Петру Петровичу:

— Вон!

Петр Петрович вздрагивает и ошалело смотрит на Зубова, не понимая, что с тем произошло.

С треском отодвинув стул, Зубов поднимается.

— Мелкий ты пакостник... — зло бросает он.

— Да ты что? — растерянно вскакивает Петр Петрович.

— В любой кутерьме видишь свою радость!

Людмила Ивановна торопливо наливает в чайную ложку капли, взволнованно отсчитывая:

— Семь... восемь... девять...

— Что он — пьяный, что ли? — обескураженно пожимает плечами Петр Петрович.

— Нет, отрезвел! — гремит Зубов.

— Выпей, — предлагает Людмила Ивановна, протягивая мужу капли.

— В какой норе ты сорок лет прятался? — в бешенстве кричит Зубов. — Все плохи, один он, видишь ли, какой хороший!

Машинально берет лекарство, залпом выпивает, морщится, сплевывает и грозно требует:

— Вон!

Петр Петрович испуганно пятится, выбегает в прихожую, натягивает пальто.

— Хорошо, хорошо, — угрожающе повторяет он. — Вопрос остался открытым...

* * *

Кабинет начальника отдела кадров.

Петр Петрович напряженно вчитывается в какие-то документы.

Входит Жуков; в его руках папка.

— Что — не помешал?

— Нет-нет, — с готовностью встает при виде парторга Петр Петрович.

— А зачем ты мне прислал личное дело Сергейчука?

— Хотел напомнить объективные данные,— с наигранным равнодушием отвечает Петр Петрович. — В партии — с двадцатого. Три ордена, новатор.

— Наизусть выучил?

— Кадры, — спокойно отвечает Петр Петрович, не заметив иронической усмешки Жукова. — А в сталелитейном говорят: заминка с планом. Иссяк Зубов, говорят, зазнался...

— Зубов только споткнулся, — наклоняясь к Петру Петровичу, тихо говорит Жуков, — а тебе уже показалось — упал.

— Как это понимать?

— Так и понимать.

Резким движением Жуков возвращает Петру Петровичу папку.

— Моими руками хочешь расправиться со своим лучшим другом?

— С каким другом? — прикидываясь наивным, переспрашивает Петр Петрович.

— С Зубовым.

— Ну, знаешь ли, — пытается негодовать Петр Петрович. — Я здесь не мебель, чтобы такое выслушивать.

— Конечно, — подчеркивает Жуков, глядя ему прямо в глаза. — Мебель украшает, радует глаз. Какая же ты мебель?..

Парторг уходит.

— Что ты этим хочешь ска... — начинает Петр Петрович, но смысл слов Жукова наконец доходит до его сознания, и он растерянно замирает на месте...

* * *

— Мама! Мама!

В переднюю вбегает Таня.

— Что случилось?

В дверях столовой появляется мать.

— Что такое?

— Ты Степу Огурцова помнишь? — размахивая газетой, спрашивает Таня.

— Да нет, — переводя дыхание, раздраженно бросает мать, недовольная тем, что Таня пугает ее по пустякам.

— Мой школьный товарищ. Приходил такой — с чубом. Помнишь?

— Нет.

Мать идет в столовую; садится в углу у швейной машинки.

— Ты только послушай, как его расписали! — тараторит Таня, подсаживаясь рядом.

— Ругают? — равнодушно спрашивает мать.

— Что ты!

Таня громко читает вслух строки из статьи, помещенной в «Комсомольской правде».

— «...Молодой член партии Степан Огурцов вместе с мастером Сергейчуком теоретически обосновали и ввели новый метод...». Ну, здесь дальше—технология, а вот — послушай: «...сейчас Огурцов без отрыва от производства заканчивает вечерний институт». Как преуспевает! Послушай, мама!

— Слушаю, слушаю.

— «...На днях по приглашению студентов и преподавателей Ленинградского металлургического института Огурцов прочтет лекцию о новом методе...». Ну, и так далее.

Она разглядывает фотографию Степы, помещенную в газете.

— Как он был влюблен! А я — дура.

Таня протягивает газету матери.

— Красив?

— Парень как парень, — не отрываясь от работы, говорит мать.

— Ты хоть посмотри!

— Ну, и...

— Нет, надо ему написать письмо.

Прячет газету в портфель.

— Наверное, орден дадут. Могут назначить директором.

Мать тяжело вздыхает, качает головой...

* * *

Солнечный, погожий день.

На берегу реки Степа удит рыбу.

Тяжело ступая по вязкому песку, к нему торопится Соня.

— Почему вдруг, и еще так поспешно, ты уезжаешь в Ленинград?

— Ты же сама знаешь, — сосредоточенно следя за гладью реки, отвечает Степа. — Институт вызывает.

— Приглашение прибыло еще когда... а ты когда решил ехать?

Степа резким движением выхватывает удочку. Сверкнув на солнце мокрой чешуей, на крючке бьется рыба.

— Танино письмо ты прочитал кому угод-

но — только не мне, — обиженно продолжает Соня.

— Не кому угодно — товарищам, — снимая рыбу с крючка, отвечает Степа.

— И они тебе посоветовали даже не ехать, а лететь в Ленинград?

— Посуди сама, мы обеспечены, учимся, работаем, а она?..

— Что — она? — хмурится Соня. — Довела Федю до скандала?

— Ну, это еще неизвестно — кто кого.

— Известно.

— Ну?

— Все, что она пишет о нем, — читай о ней.

— Быстро же ты разделалась со своей подругой.

— А ты еще быстрее — со мной.

И здесь впервые за весь разговор Степа встречается с глазами Сони и видит в них такую горечь и обиду, что сразу смягчает тон.

— Ну, Соня, что ты? Ты же знаешь, как я тебя люблю...

Говорит это Степа без всякого желания сказать лишнее: он действительно к ней хорошо относится.

А Соня словно преображается. Едва сдерживая радостное волнение, она тихо переспрашивает:

— Это... правда, Степа?

— Конечно. Ты же мой лучший друг. У меня же на всем свете — только тетя да ты.

Он улыбается — озорно, по-мальчишески, и, совсем не думая о том, что ранит Соню своими словами, добавляет:

— Думаешь, я не понимаю, почему ты сюда приехала?

— Ах, вот как!

У Сони от обиды вздрагивают губы.

— Ты решил — из-за тебя?

Долго сдерживаемое раздражение наконец находит выход.

— Да ты же совсем Тане под пару. Такой же самовлюбленный нарцис. Ну, и поезжай к ней! Вы друг друга стоите!..

И, повернувшись, бежит в противоположную сторону.

— Соня! Соня! — пытается Степа ее остановить.

Пробежав несколько шагов, Соня резко поворачивается.

— Вспомни... вспомни, сколько ты ей писал, — начинает она взволнованно. — А она — ни слова. Но как только напечатали в «Комсомолке» твою рожу...

Степа смеется.

— ...Смейся, смейся... так Танечка тут как тут. Прислала письмо, мокрое от слез.

И она с сердцем заканчивает:

— Все вы такие! Чем к вам хуже — тем вы лучше!.. Пожалуйста! Лети. И не только в Ленинград, а на все четыре стороны!

Махнув рукой, не оглядываясь, убегает.

* * *

Из ворот института выходит шумная толпа студентов.

Только что закончилась лекция Степана

Огурцова, который поделился своим опытом со студентами металлургического института.

Торжественно взяв Степу под руку, рядом с ним шествует сияющая Таня.

Так они идут по улице, провожаемые взглядами Таниных товарищей.

— Горжусь... честное слово, горжусь тобой, Степа. Прочел лекцию — прямо без сучка и задоринки, — радостно заявляет Таня.

— А ты все такая же?

— Не печалюсь. За одного битого, говорят, двух небитых дают, — оживленно болтает Таня. — А мой бывший муженек сделал это очень старательно.

— Зачем же так зло — о любимом человеке?

— Федя? Любимый? Нет, не он.

— А кто же, если не секрет?

— Скоро узнаешь. Всему свое время. Да, кстати, о времени: у тебя сегодня свободный вечер?

— Вольная командировочная птица.

— Так вот — приглашаю тебя на премьеру балета.

Она протягивает ему билет.

За ними идет Федя. Зло глянув на Степу, он задевает его плечом, опережает их и быстро идет впереди.

— Извини, Таня, — увидев Федю, торопится Степа. — Я сейчас.

Таня напряженно следит за Степой, приближающимся к Феде.

Догнав приятеля, Степа хлопает его по плечу.

— Федя! Здоров!

— Вижу, — не глядя в его сторону, хмуро произносит тот.

— Что?

— Что ты здоров, преуспеваешь. И будь здоров!

Федя делает попытку уйти, но Степа задерживает его.

— Постой. Ты что же — не хочешь со мной разговаривать?

— Вечером в театре разговоров у тебя будет предостаточно. И, как мне известно, с более интересной персоной, — бросает он и идет дальше.

— Федя! — удивленно восклицает Степа.— Мы же век с тобой не виделись!

— Счастливый век!

И Федя решительно удаляется.

* * *

— Ты смотри, кто к нам приехал! — оживленно говорит Мария Яковлевна, вводя в комнату Степу.

Федя что-то чинит в углу, не замечая вошедших.

— Да, в самом деле, — улыбается Степа, подходя к Феде. — Чего застыл, как статуя? Видишь, кто приехал?

— Ну, будет дурочку разыгрывать, — недружелюбно огрызается Федя. — Я тебе все-таки не игрушка с елки.

Встает, отходит в сторону.

— Друзья, — удивляется мать. — Что с вами стряслось?

— Действительно...

И, засунув руки в карманы, Степа спокойно подходит к Феде, сидящему на тахте.

— Ну?

— Друзья... — с горечью подчеркивает Федя.

— А что?

— Бывшие друзья. А бывшие друзья, как известно, хуже, чем чужие люди.

— Я ведь парень заводской, — шутит Степа. — Так врежу — сразу друзей вспомнишь!

— Ну, я пойду, — смеется мать. — Как говорится, двое дерутся — третий не мешай.

Мать уходит.

— Ну? Закурим? — предлагает Степа. И неожиданно начинает напевать: «Давай закурим, товарищ, по одной. Давай закурим...»

Он протягивает Феде коробку сигарет.

— Кури, от этих никакого кашля, товарищ мой...

— Нет, ты мне прямо скажи, — требует Федя.

— Пожалуйста.

— Кто тебя сюда прислал?

— Твоя беда.

— А я — не несчастный и не нуждаюсь в помощи прославленного и популярнейшего счастливца!

— Я?

— Да!

— Правильно, — холодно заключает Степа. — Та-ак, значит, от ворот поворот? — Он встает. — Хорошо, договорились. С меня довольно.

Идет к выходу, дергает дверь; она заперта. Степа понимающе кивает головой.

— Жаль: уйти не могу.

— Что — совесть мучает?

— Нет, просто мать оказалась умнее нас.— Решительно подходит к Феде. — Ну, довольно петушиться. Мы еще не поздоровались. Давай руку.

— Протягиваешь руку... — резко начинает Федя.

— А что?

— ...а подставляешь ножку.

— Ты можешь объяснить, что стряслось? — взрывается Степа. — Говори прямо!

— Могу!

— Ну!

— Играешь на нашем разрыве?

— Давай ясней.

— С вокзала ты к кому поехал: скажешь, не к ней?

— Она меня сама встречала.

— С цветами?

— С цветами.

— Ага. И ты решил, конечно, что я изверг, домашний деспот, а она — невинная и оскорбленная жертва?

Федя идет к окну и резко поворачивается.

— Ну, ничего. Пусть время пройдет!

— Так это ж не просто время идет, это — жизнь идет. И пора вам это понять.

— Наивный... Ты думаешь, она поймет? С каких пор ты знаешь Таню? С малых лет?

— А что?

— Так вот, считай, что ты ее совершенно не знаешь.

— Ну-ну, расскажи.

— Хочешь?

— Хочу.

— Садись...

* * *

Мы видим большую афишу, извещающую о премьере нового балета композитора И. С. Рощина — «Большие надежды».

У оперного театра оживление.

Шумно расходится публика.

Таня сидит в машине и наблюдает за тем, как, окруженный толпой поклонниц и поклонников, выходит из театра Рощин.

Кто-то вручает композитору цветы, жмет руку, слышны одобрительные реплики.

Рощин открывает дверцу машины и наклоняется к сидящей Тане.

— Игорь Степанович, — многозначительно подчеркивает Таня. — По-моему, я видела вашу жену.

— Машу? — удивляется Рощин — Где?

— Вон там, — кивает головой Таня.

— Я так и знал, что она не усидит дома.

И Рощин начинает искать жену в толпе зрителей.

Ревниво наблюдая за Рощиным, Таня следует за ним.

— Неужели я ошиблась? — сухо спрашивает Таня, вглядываясь в растерянное лицо Рощина.

— Да, она дома, — тихо отвечает Рощин, продолжая глазами искать жену в толпе редеющих зрителей. — К сожалению, больна.

Он не замечает, что здесь же — в двух шагах — за афишной тумбой стоит Мария Валентиновна, скрываясь от него и Тани.

— Вам, должно быть, очень тяжело, Игорь Степанович?

— Да. За двадцать лет впервые ее нет рядом.

— Понимаю, — вспыхивает Таня. — Я вас очень хорошо понимаю!

Зло стуча каблучками, она уходит.

— Таня! — пытается остановить ее Рощин.

За этой сценой наблюдают Федя и Степа, стоящие неподалеку.

— Убедился?

Степа молча кивает головой.

Видя приближающуюся к ним Таню, Федя отходит в сторону.

— Таня! — окликает ее Степа как ни в чем не бывало.

— О! Степа!

Таня останавливается.

— Почему же ты не пришел? Или был?

— Нет, — равнодушно отвечает Степа. — Просто решили прогуляться по ночному Ленинграду.

— Ясно, — улыбается Таня. — Ночная прогулка холостяков.

— Зачем же, — пожимает плечами Степа. — Я — женат. Федя тоже не сегодня-завтра собирается жениться.

— Да? — встрепенулась Таня. — На ком?

— Кто? Я?

— Ты... он.

— А я женат на Соне. Разве я тебе не говорил?

— Нет. Поздравляю.

— Спасибо.

— А он?

— А он как раз мне сейчас рассказывал о своей невесте, — скрывая насмешку, добродушно заявляет Степа. — Опять, говорит, зверски влюблен. Но боится. Чем-то напоминает тебя.

Обиженно дернув плечом, Таня быстро удаляется.

Вслед за ней медленно катит машина Рощина.

Поравнявшись с Таней, Рощин распахивает дверцу кабины, как бы приглашая Таню сесть.

Таня не обращает внимания на машину, идущую рядом с ней. Наконец, милостиво согласившись, садится в «ЗИМ»...

* * *

Ночь. Кабинет Рощина.

У окна — Мария Валентиновна.

Ее горестное молчание нарушает телефонный звонок.

— Да. Я, — тихо отвечает она. — Здравствуйте. А где же ему быть? Конечно, вдвоем...

Медленным взором она обводит пустую комнату.

— Да, да. Пьянствуем. Отмечаем премьеру... Спасибо...

Глухо бьют часы.

Сдерживая слезы, Мария Валентиновна снова подходит к окну.

* * *

Прошло время: может, час, может, больше...

Мария Валентиновна спит в кресле.

Мы видим, как в переднюю на цыпочках входит Рощин.

Он тихо проходит в кабинет и подсаживается там к столу.

Неожиданно взгляд Рощина падает на две тарелки: на одной лежит вареная картошка, на другой — любительская колбаса; между ними сиротливо приютилась бутылка ситро.

Взгляд Рощина теплеет.

Закрыв глаза, он вспоминает...

* * *

Мы видим часть скромно обставленной комнатушки.

У стола, покрытого клеенкой, сидят Игорь Рощин и Маша — молодые, счастливые, радостно взволнованные.

На столе — колбаса, картошка, ситро.

— Сегодня у нас только колбаса, картошка и ситро, — весело говорит Рощин. — И давай, Маша, впредь, как бы нам хорошо ни было в жизни...

— Всегда отмечать наши радости только так?

— Только так!

Они наливают себе в граненые стаканы сит-

ро, выпивают с удовольствием, как будто пьют шампанское, и целуются.

В углу заливается старенький патефон. Какая-то нехитрая мелодия разносится по их скромной комнатушке...

* * *

Рощин открывает глаза.

Как живо прошли перед его мысленным взором эти воспоминания!

Он переводит взгляд на утомленное лицо Марии Валентиновны, заснувшей в кресле.

Да, совсем поседела голова у Игоря Рощина. И у Марии Валентиновны — седина на висках.

Прошло немало лет, а минувшее властно напоминает о себе...

* * *

— Ну, к чему этот разговор? Мы через два дня идем в загс. Неужели ты мне не желаешь счастья, мама? — поправляя волосы у зеркала, спрашивает Таня у матери.

— Готового — нет.

— Что это значит?

Елена Семеновна подходит вплотную к Тане.

— Доченька... — мягко начинает мать. — Сядем. Я все объясню.

Таня идет вслед за матерью в столовую.

— Я слушаю.

— Нет, садись. И хоть раз спокойно и серьезно поговорим.

Таня нехотя садится.

— Сейчас, Таня... — собираясь с силами, начинает мать.

Она сдерживает слезы. Ей очень тяжело и больно говорить.

— В твои годы, Таня, у меня было немало выгодных предложений. А остановилась я на твоем отце — маленьком конторщике с грошовым заработком. Ни положения, ни квартиры... И вот шаг за шагом, год за годом вместе с ним добивались мы того, чего он сейчас достиг. И радостно мне... пойми, Таня... что и я вместе с папой имею право на все.

— Но Рощин вдвое старше меня, — пожимает плечами Таня, — и простой арифметический подсчет покажет, что я не могу начать с ним жизненный путь.

— Вот именно, — оживляется мать. — Вдвое старше. Поэтому тебе и не нужен ваш общий путь.

— Новая придирка. То готовое счастье тебя не устраивает, то возраст будущего мужа.

— Но он же старше твоего отца.

— Да Федя ваш перед ним дряхлая развалина! — вырывается у Тани.

— О Феде лучше помолчи! — со слезами в голосе требует мать.

— А еще лучше — прекратим этот разговор!

Николай Капитонович оказался невольным свидетелем этой беседы. Почувствовав, что дальше стоять в стороне неудобно, он входит в столовую.

— Папочка! — как ни в чем не бывало приветствует его Таня.

Николай Капитонович замечает все: и растерянность матери, украдкой вытирающей слезы, и натянутую приветливость Тани.

— Не пора ли ужинать? — пытаясь разрядить обстановку, предлагает отец. — Аппетит у меня волчий.

— Рюмочку, наверное, перехватил по дороге, — овладев собой, говорит мать, уходя на кухню.

— А ну, пап, дыхни, — наигранно шутит Таня. — А-а, боишься?

— Неприятная новость, — вынимая газету из кармана, сообщает отец.

— На службе?

— Нет. Это касается твоего композитора.

— Что такое? — взволнованно интересуется Таня.

— Ты читала эту статью?

— О чем?

— О балете Рощина.

— А что? Приняли на «ура».

— Не знаю: я на премьере не был.

Отец протягивает ей газету. Таня углубляется в чтение и вскрикивает:

— Неужели провал?

— Я, как тебе известно, не очень одобряю ваши отношения. Эх... — машет он сокрушенно рукой. — Но, зная тебя, я хочу посоветовать...

Таня напряженно читает критическую статью о балете Рощина.

— Папа! Это — ужасно!..

— Ну, от критики еще никто не умирал.

В передней звонит телефон. Настойчиво, продолжительно.

— Телефон? — прислушивается отец. — Может быть, это Рощин звонит?

— Ну и что? — не отрываясь от чтения, небрежно бросает через плечо Таня.

Ее словно подменили: стиснутые губы, сузившиеся глаза.

— То есть как? — поражается отец.

Фраза дочери застает его в тот момент, когда он берет из буфета посуду, собираясь накрывать на стол.

— А может быть, именно сейчас... он нуждается в твоей поддержке?..

— А ну его! — цедит сквозь зубы Таня.

Протянутая рука с зажатой в пальцах тарелкой замирает в воздухе.

— Что-о?! — с ужасом переспрашивает отец, видя, как на его глазах до неузнаваемости изменились черты лица дочери. И его охватывает бешенство.

— Таня!

Ожесточенный удар тарелкой по столу и — осколки летят в стороны.

— Таня!..

Он еще что-то хочет сказать, но, схватившись рукой за грудь, тяжело падает в кресло.

— Папа! — вскрикивает Таня. — Папа!.. Мама!

Она приближается к отцу, пытаясь его успокоить.

Лишившись от волнения речи, Николай Капитонович делает усилие что-то сказать, но не находит слов.

Таня испуганно выбегает в переднюю.

После нервной вспышки наступает реакция,

и, не владея собой, Николай Капитонович с глухими рыданиями склоняет на руки голову.

В передней настойчиво звонит телефон.

— Мама! — возбужденно зовет Таня. — Там... папа!

— Что?.. Что такое? — мать с криком бежит в столовую.

Таня резко снимает трубку.

— Да! А-а... Это вы, Игорь Степанович?

Мы видим Рощина, стоящего в телефонной будке автомата.

— Мне необходимо, — говорит он, — сейчас... сию же минуту тебя видеть.

— Где же мы можем встретиться? — сухо отвечает Таня, поглядывая в сторону столовой.

Мать со стуком захлопывает дверь.

— У меня неудобно, у вас нельзя. А на людях я не могу, не могу, понимаете?

— Нам надо обязательно встретиться, — настаивает Рощин.

— Хорошо, хорошо, — поморщившись, соглашается Таня и резко добавляет: — У оперного театра, в скверике...

* * *

Сквер. Около скамейки прохаживается Рощин, нетерпеливо поглядывая на часы.

Появляется Таня. Они садятся.

— Это ужасно! — задыхаясь от быстрого бега, восклицает Таня.

— Что с тобой?

— Это ужасно... ужасно!

— О чем ты?

Рощин видит, что с Таней что-то произошло: она возбуждена, у нее бегающие глаза, она едва сидит на месте.

— Конечно, о статье, — подчеркивает она, протягивая газету.

— Меня сейчас это мало заботит, — отводя ее руку с газетой, спокойно замечает Рощин.

— Как вы не понимаете, что это — позор! — тревожно настаивает Таня.

— А что особенного?

— Да вы прочтите, — торопливо тычет пальцем Таня в газету. — Где ж это? А-а... «Знакомое...» и вот — «Ранее услышанное...». Это же прямой намек на плагиат!

— Ясно, — сдержанно кивает головой Рощин.

— Это доказано? — наклоняясь к нему, интересуется Таня. — Окончательно доказано?

Рощин не отвечает. Он изучающе смотрит ей в глаза, читая в них испуг, растерянность, отчужденность.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Ничего, — пожимает плечами он.

— Как вы не понимаете, — понизив голос, продолжает Таня, — что это, не дай бог, может кончиться исключением из Союза композиторов... Знаете, как бывает: пришла беда — открывай ворота... Смотрите, как бы еще не нашелся охотник написать фельетон.

— Ничего, — еще более спокойно говорит Рощин, — не пропаду.

— Что же вы думаете делать?

— Дирижером устроюсь...

Таня не улавливает в его голосе иронии.

— ...если не главным, то очередным. Если не в Ленинграде, то где-нибудь на периферии.

— А в Москве... нельзя? — с надеждой спрашивает Таня.

— Нет, — холодно подчеркивает Рощин. — Теперь уж только, скажем, где-нибудь там... в Южно-Сахалинске.

— Еще шутите?

— Поедешь? — спрашивает он в упор.

Где-то за их спиной, в глубине скверика, отголоском детских воспоминаний звучит песня, которую поют гуляющие школьники:

С детских лет стать взрослыми спешили мы,
Торопили школьные года.
Для того чтоб детством дорожили мы,
Надо с ним расстаться навсегда...

— Не знаю, — равнодушно прислушиваясь к доносящейся песне, осторожно начинает Таня. — Но в данном случае это было бы похоже... на акт жалости.

Она опускает глаза, чувствуя, как неотрывно смотрит на нее Рощин, будто пронизывая ее взглядом.

— Получится, — медленно подбирая слова, продолжает Таня, — будто только из сострадания я свяжу с вами свою жизнь... Для вас это было бы унизительно... Не правда ли?

— Значит, пожалеть — унизительно, — сдержанно усмехается Рощин, — а оставить — похвально?

— Почему? — мнется Таня. — Вот когда вас не будет здесь и меня... вдруг потянет к вам... тогда, может быть, я приеду... сама.

Рощин брезгливо отшатывается от нее. Усилием воли берет себя в руки и говорит негромко, почти шепотом:

— Маленький ты, но страшный хищник!..

И уходит, не оглядываясь, не спеша, твердо.

— Боже, — морщится Таня, отшвыривая в сторону газету. — Какая мелодрама...

* * *

Комната в женском общежитии. Соня моет пол.

Стук в дверь.

— Кто там?

Стук продолжается.

— Кто там? Ну?

В дверях Степа; в руках у него чемодан.

— Ой, подожди! Нельзя!.. — вскрикивает она, распрямляясь.

— Сейчас. Отвернись!

— Я уже отвернулся.

Соня идет за занавеску, переодевается.

Он ставит в угол чемодан и выходит на середину комнаты.

— Соня, а я прямо с самолета и, как видишь, сразу к тебе.

— Ну и что? — доносится из-за занавески.

— Как — ну и что?.. А где твои девчата?

— На работе.

— Ах, да. Очень хорошо...

Преодолевая смущение, Степа начинает издалека:

— Так вот, Соня, я был в Ленинграде...

— С чем тебя и поздравляю, — говорит Соня, выходя из-за занавески.

— Встретил там Таню...

— Счастлива за тебя.

— И сказал ей, что ты моя жена.

— А почему ты не сказал ей, что ты Лев Толстой?!

Степа не ожидал такого ответа.

— Мне казалось... — растерянно говорит он, — мне казалось, что ты... ты... любишь меня...

— Тебе казалось? — с горечью переспрашивает Соня. — Нет, тебе не казалось...

— Значит, это правда?

— Да, это правда, — отстраняясь, негромко подтверждает Соня. — Я любила тебя, ой господи, как я тебя любила... Сколько я слез выплакала в эту подушку. А ты смотрел на меня, как на шкаф. Я и девушкой-то для тебя не была, а так — хорошим парнем... с которым можно пива выпить за компанию.

— Соня... — волнуясь, говорит Степа. — Прости меня. Я только в разлуке почувствовал, что ты для меня значишь.

Он говорит очень искренне, сердечно, не повышая голоса.

— Знаешь, как у Есенина: «Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстояньи»...

— Ты Есенина не приплетай: не тебе чета. Он сам любил и чувствовал чужую любовь. А ты... ты поверял мне свои любовные неудачи...

Она отворачивается, сдерживая слезы.

— Какое счастье, что я избавилась от своих чувств.

— Жаль, — с трудом выговаривает Степа.

— Да, да! — сбивчиво продолжает Соня. — И сейчас я тебя ненавижу...

Степа медленно идет к выходу.

— Степа!.. — неожиданно слышит он за своей спиной.

Поворачивается и видит лицо Сони, залитое слезами.

— Подожди...

Не зная, что делать, Степа стоит растерянный.

— Ничего ты не понимаешь, — говорит Соня, приближаясь к нему. — Я хотела проучить тебя, но... не могу.

Широко улыбаясь, Степа протягивает к ней руки, обнимает. И целует ее робко, неумело.

Оба смеются — звонко, радостно, с облегчением. И снова целуются.

* * *

Мы видим полупустую комнату в новом заводском доме. Здесь поселили молодоженов — Соню и Степу, которые успели приобрести пока только тахту. В углу, водрузив электрическую плитку на чемодан, Соня готовит обед.

Входит озабоченный Степа.

— Что с тобой? Почему такое настроение?

— Устал.

— Достается тебе, — сокрушенно качает она головой.

Он усаживается на тахту. Соня накрывает салфеткой ящик, который временно заменяет им стол, и ставит тарелки.

— Ну, что ни говори: рано тебя выдвинули.

Он невнимательно прислушивается к ее словам.

— Вот нас никто не слышит, скажи по правде: ну, какой из тебя заместитель начальника цеха?

— Да, — думая о своем, неожиданно замечает Степа. — Доканала она все-таки Федю.

— Что опять?

— Федька тяжело заболел. Вот письмо от матери.

Соня пробегает глазами письмо.

— Надо что-то делать, — встревоженно говорит она.

— Добрая ты моя душа, — целует ее Степа. — Слушай... Сколько мы там собрали денег на мебель, а?

— Верно, купим пока самое необходимое, самое-самое... А остальное пошлем ему... Ну, что?

Степа раздраженно ерзает на месте.

— Хороша душа, — хмурится он.

— А что?

— Не понимаю, о чем ты сейчас думаешь, о чем? О своей мебели или...

— Ой, — спохватывается Соня. — Ну, глупость сказала. Прости.

— А он, ты думаешь, примет?

— Конечно, откажется.

— Надо придумать что-нибудь.

И вдруг они одновременно вспоминают об одном и том же.

— Да! Вера же едет в Ленинград.

— Конечно, — соглашается Соня. — Она это сумеет.

— Еще бы! Доставай деньги.

Соня вынимает из чемодана деньги, протягивает Степе, оглядывая пустые стены их комнаты.

— Что? — перехватив ее взгляд, спрашивает тот.

— А что? — как ни в чем не бывало смотрит на него Соня.

— Ну, ничего, ничего, — понимающе кивает головой Степа, как бы давая ей понять: все, мол, будет в порядке, немного потерпим, а потом и мебель приобретем. Важно сейчас помочь товарищу...

— Конечно, — улыбается Соня, читая его мысли.

* * *

Утро.

Федя лежит в постели.

Стук.

Мария Яковлевна, осторожно ступая, открывает дверь.

— Здесь живет Федор Морозов? — громко спрашивает Вера, появляясь в дверях с чемоданом и с узлом, перетянутым ремнями.

— Тише, — понижая голос, просит мать. — Здесь. Только он тяжело болен и сейчас спит.

— Вы его мать?

— Да.

— Я — Вера Зубова. Можно вас на минутку?

Они выходят в коридор коммунальной квартиры.

Здесь стоят две соседки с бидонами в руках; молочница наливает им молоко.

— Я слушаю вас, — говорит мать.

— Я — подруга Сони Орловой.

— И мужа ее знаете?

— Степу?

— Да.

— Конечно, — вынимая деньги, поспешно заявляет Вера. — Давайте-ка вместе обмозгуем как бы это нам половчее сделать.

В халате, заспанная, с кастрюлей в руках выходит та самая расфуфыренная соседка, которую мы уже встречали в коридоре этой коммунальной квартиры.

— «И утром и ночью, поет и хохочет...» — напевает она.

— Тише, — останавливает ее Вера, — в доме больной.

— Мы все больны, душенька, — позевывая, парирует соседка.

— Не связывайтесь, — шепчет Вере Мария Яковлевна.

Вера протягивает матери деньги.

— Что это? Я не понимаю...

— Соня и Степа прислали деньги.

— Да? — ввязывается в разговор соседка. — Сколько?

— Дина Никифоровна! — призывает ее к порядку мать.

— Пожалуйста, — фыркает соседка.

— Зачем? Какие деньги? — удивляется мать.

— Я вижу характер у него — ваш.

— А вы с Федей разве знакомы?

— Нет, но меня предупредили.

— Мама! — доносится голос Феди из комнаты.

— Только ему ничего не говорите, — просит Вера.

Мария Яковлевна и Вера возвращаются в комнату.

— Мама, кто там?

— Я.

И Вера подходит к кровати, на которой лежит больной.

— Здравствуйте, — с удивлением разглядывает незнакомую девушку Федя.

— Здравствуйте. Я — Вера Зубова.

— Вы приехали из института?

— Нет. Я приехала в институт.

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо.

Она садится.

— Давайте познакомимся: я — подруга ваших друзей.

— Сони и Степы?

— Да. Значит, так. Правда, меня предупредили, что с вами надо хитро, с умелым подходом, но я решила все-таки напрямик.

— Говорите.

Вера решительно протягивает ему пачку денег.

— Вот деньги.

Федя пожимает плечами.

— Да что они, инвалидом меня считают, беспомощным безработным. Передайте им, что я инженер, что у меня уже диплом... Не сегодня-завтра я встану, да, мама?

— Обязательно.

— Начну работать. И, пожалуйста: не они мне, а я им смогу помочь.

— Неправда!

— Почему? — удивляется Федя.

— Человек, не способный оценить помощь других, сам никогда не поможет.

— Вот как! А вы — оригинальная девушка.

— Да? А вы — не очень.

— Но деньги перешлите обратно, — решительно требует Федя.

— Вам они переданы — вы и пересылайте. — Она обиженно встает. — А ко всему — вы еще неблагодарный человек. Я-то всю ночь не спала из-за этих денег, а он...

— Почему не спали?

— Боялась — утащат.

— Ну и смешная же вы! — громко смеется Федя и неожиданно, прервав смех, вскрикивает: — Ой!..

Схватившись за грудь, он закрывает глаза.

— Федя! Федя! Что с тобой? — взволнованно спрашивает мать.

— Ничего, — тихо произносит Федя.

Мать наливает лекарство в стакан.

— Что с ним? — теряется Вера.

— Тяжелое сердечное заболевание.

— Сколько же ему лет?

— А разве вам друзья ничего не говорили?

— Нет.

— Пей... Федя... — ласково предлагает мать.

Не говоря ни слова, Вера тихо отходит к буфету, кладет деньги и выходит в коридор.

— Ничего, пей... Вот так лежи. Успокойся, успокойся. Ну, ничего, — ласково говорит мать. — Пульс нормальный. Лежи спокойно. Я — сейчас...

Она идет вслед за Верой.

У телефона стоит уже известная нам соседка; она игриво болтает с кем-то, делая глазки и посмеиваясь.

— Ну, а в десять можете? — говорит она в трубку.

Вера, взяв свой чемодан и узел, хочет уйти.

— Куда же вы? — останавливает ее мать и подходит к соседке. — Извините, но мне срочно нужен телефон.

— Телефон коммунальный, — через плечо бросает ей соседка. — Прошу с этим считаться.

И продолжает ворковать по телефону:

— Тогда в одиннадцать?

— У Феди с сердцем неважно, — пытается ее убедить мать.

— Вы думаете, у меня разговор не сердечный?..

— Прошу вас, — обращается мать к Вере, махнув рукой на соседку. — На углу автомат; вот вам номер телефона. Вызовите, пожалуйста...

Вера решительно подходит к соседке и резко вырывает из ее рук трубку телефона.

— Ну, довольно. Хватит!

— Что? — растерянно вскрикивает соседка. — Явилась с улицы — и уже так командует?

Вера набирает номер телефона.

— Неотложка?

— А что она — вообще-то — здесь прописана? — язвительно интересуется соседка.

— Канал Грибоедова, 10, — сообщает Вера адрес квартиры Морозовых.

— Квартира пять, — подсказывает мать.

— Квартира пять, — диктует в трубку Вера. — Нет, сердечный приступ.

Соседка растерянно отходит в сторону.

— Скажите какая жар-птица... — шипит она.

* * *

Раннее утро следующего дня.

Федя открывает глаза.

— Мама!

— Она за лекарством пошла, — слышит он голос, который доносится к нему из угла.

Оказывается, это — Вера; она вскакивает с раскладушки, где спала.

— Доброе утро!

— Вы еще здесь? — удивляется Федя. — Доброе утро.

— А я ночевала здесь.

— А разве...

— Прошли уже сутки. Ой, тут такое было: неотложка, врачи... Словом, как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — улыбается Федя. — Спасибо. С вами очень хорошо.

— Только не надо смеяться, — тревожно просит Вера. — Я так испугалась... Ну, не надо.

— Садитесь, — приглашает Федя. — Вот сюда. И расскажите о себе. И как можно подробнее.

— Только мне ведь уже уходить пора, — глянув на часы, торопится Вера.

— А вы оставайтесь у нас.

— Я только вчера приехала. Надо же устраиваться.

— Так вы что — в гостинице будете жить?

— Что вы! Первые пять лет только в общежитии.

— Учиться приехали?

— Хочу стать врачом.

— А-а, — улыбается Федя. — Вот и первую практику прошли...

* * *

Вокзал.

Вера и Федя идут по перрону вдоль поезда.

Надпись на вагоне: «Ленинград—Новосибирск».

Диктор объявляет посадку.

— Думаете: едете в захолустье? — заглядывая сбоку в лицо Феди, спрашивает Вера.

— Сам выпросил. Поближе к своим друзьям. И поближе к Егору Петровичу Зубову.

— Он понравится вам. И мама. Они...

— Надеюсь, вы не будете забывать их и найдете возможным почаще приезжать?

— А вы о своей маме тоже вспоминайте и не забывайте навещать ее.

В сутолоке перрона Федя не замечает Тани, которая неожиданно появляется неподалеку.

Елена Семеновна, которая пришла вместе с дочерью, наблюдает за ней на расстоянии.

— Федя! — окликает его Таня.

Федя, извинившись перед Верой, медленно подходит к Тане, останавливается, спокойно глядит ей в лицо.

— Уезжаешь? — робко спрашивает та.

Он молча кивает головой.

— Далеко?

Снова — кивок, на сей раз нетерпеливый: до отхода поезда остались считанные секунды.

— Смешно... — смущенно произносит Таня.

— Что?

— Да нет, — жалобным тоном продолжает она. — Я просто вспомнила, как пять лет назад с этого же перрона мы провожали Степу.

— Что же в этом смешного? — холодно интересуется Федя.

— Были мы тогда с тобой начинающими студентами, — грустно продолжает Таня. — А теперь — ты уже инженер. А я?.. Я — никто.

— Но в этом виновата только ты. Одна.

— Да, да, — покорно соглашается Таня. — Я одна. И настолько одна, что не с кем даже посоветоваться....

По платформе проходит самодеятельный оркестр, который возглавляет колонну отъезжающей молодежи.

— Но то, что я могу посоветовать, вряд ли тебе подойдет.

Колонна разъединяет их.

Он направляется к своему вагону.

— Федя! Федя! — снова окликает его Таня. — Подожди! Подожди!

Федя нехотя подходит.

— Ты хочешь сказать, — сбивчиво говорит она, — что мы разные люди.

— Так это ведь жизнь доказала.

Гудок паровоза.

— Федя! — встревоженно зовет Вера.

— А это кто? — кивая в сторону Веры, ревниво интересуется Таня.

— Знакомая.

— И только?

— Сейчас отходит поезд. Прощай!

Он бежит к своему вагону.

Елена Семеновна, вздрогнув, провожает Федю взглядом.

Гудок паровоза.

— Она? — коротко, с обидой спрашивает Вера.

— Вот она!

И Федя неожиданно целует Веру.

Поезд трогается. Федя вскакивает на подножку вагона.

— Я не буду больше с вами разговаривать! — кричит ему вдогонку Вера.

— Да. Остается только писать!

— Ой! — вскрикнула Вера, вспомнив о цветах, бежит вслед за отходящим вагоном и передает их Феде.

— Возьмите!

— До скорой встречи!.. — машет ей рукой Федя.

Поезд, набирая скорость, быстро удаляется...

По перрону неторопливо идут Елена Семеновна и Таня.

— Поздно, Таня, поздно, — устало и безнадежно говорит мать.

— Вот видишь, — раздраженно замечает

Таня, — один раз в жизни я попробовала тебя послушаться...

— Поздно, поздно...

— Можно подумать, что на нем свет клином сошелся.

Направляясь к выходу, их обгоняет Вера.

Таня окидывает ее презрительным взглядом с ног до головы.

— Не понимаю, — пожимает она плечами, — что он в ней нашел?

— Наверное, человека, — тихо отвечает мать.

Гордо вскинув голову, Таня хмурится и вызывающе громко спрашивает:

— А я?..

Вдали, постепенно уменьшаясь в размерах, словно растворившись в прозрачном воздухе, исчезает поезд.

На перроне затихает гул голосов.

Елена Семеновна молча смотрит в лицо своей дочери — красивое, но жесткое и бесконечно чужое...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию Л. Лукова и Я. Смоляка «РАЗНЫЕ СУДЬБЫ» поставлен на киностудии имени М. Горького в 1956 г.

Фильм цветной, 11 частей, 2921 *м*. Выпуск — август 1956 г.

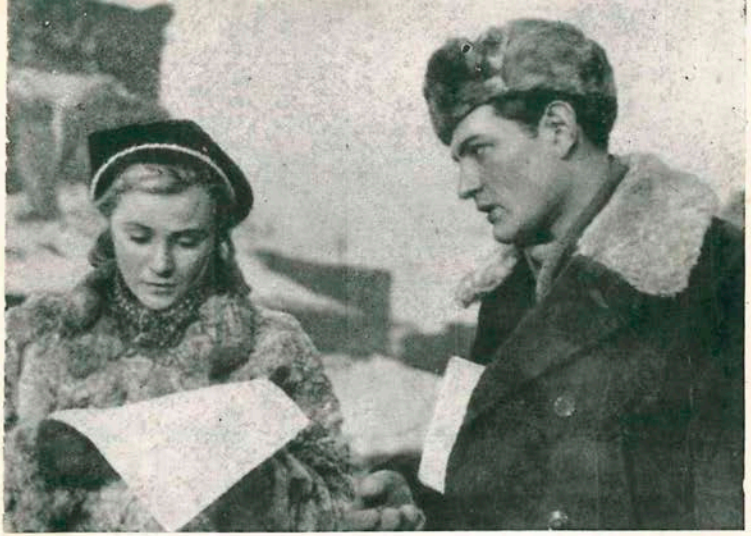
Постановка режиссера Л. Лукова. Главный оператор — М. Кириллов. Оператор — А. Хвостов. Режиссер — Б. Каневский. Художник — П. Пашкевич. Композитор — Н. Богословский. Текст песен — Н. Доризо. Звукооператор — Н. Кратенкова. Ассистенты режиссера — П. Познанская, Э. Пырьев. Художник-гример — Н. Мардисова. Художник по костюмам — Ш. Быховская. Ассистент оператора — С. Егоров. Редактор — В. Бирюкова. Директор картины — В. Беренштейн.

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Таня Огнева — Т. Пилецкая. Федя Морозов — Ю. Панич. Огнев — Л. Свердлин. Его жена — О. Жизнева. Соня Орлова — Т. Конюхова. Степа Огурцов — Г. Юматов. Морозова — А. Войцик. Сергейчук — В. Дорофеев. Зубов — С. Блинников. Вера Зубова — В. Ушакова. Начальник отдела кадров — К. Сорокин. Парторг ЦК — В. Санаев. Рощин — Б. Фрейндлих. Его жена — Л. Максимова. В эпизодах: А. Пелевин, А. Коломийцева, М. Крепкогорская, В. Орлова, Ю. Саранцев, С. Филиппов.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

Вспоминаю прошлое старательно
И тревожной думою томлюсь,
Расставаясь с детством окончательно,
Может, и с тобой я расстаюсь...



— Нет, что ни говори, а Степка молодчина.

— Я приехала сюда на работу и получу ее. И койка в общежитии тоже найдется.

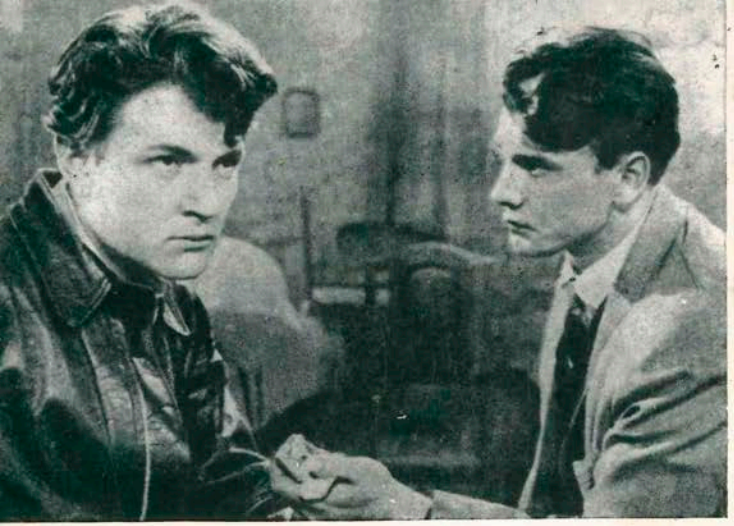
— А про то... когда тебе «Победу» захотелось — цех почему-то сумел дать сто двенадцать процентов...

— Таня!..

— Не веришь? Вот честное комсомольское — Степа.

— Пойдем, а?

— Слушай, Егор Петрович, а эту книгу ты написал?



— Ну? Закурим?

— Да... она дома. К сожалению, больна...

— Я женат. Федя тоже не сегодня-завтра собирается жениться.

— Скажите, какая жар-птица.

Т. Пилецкая
в роли Тани Огневой

Г. Юматов
в роли Степы Огурцова

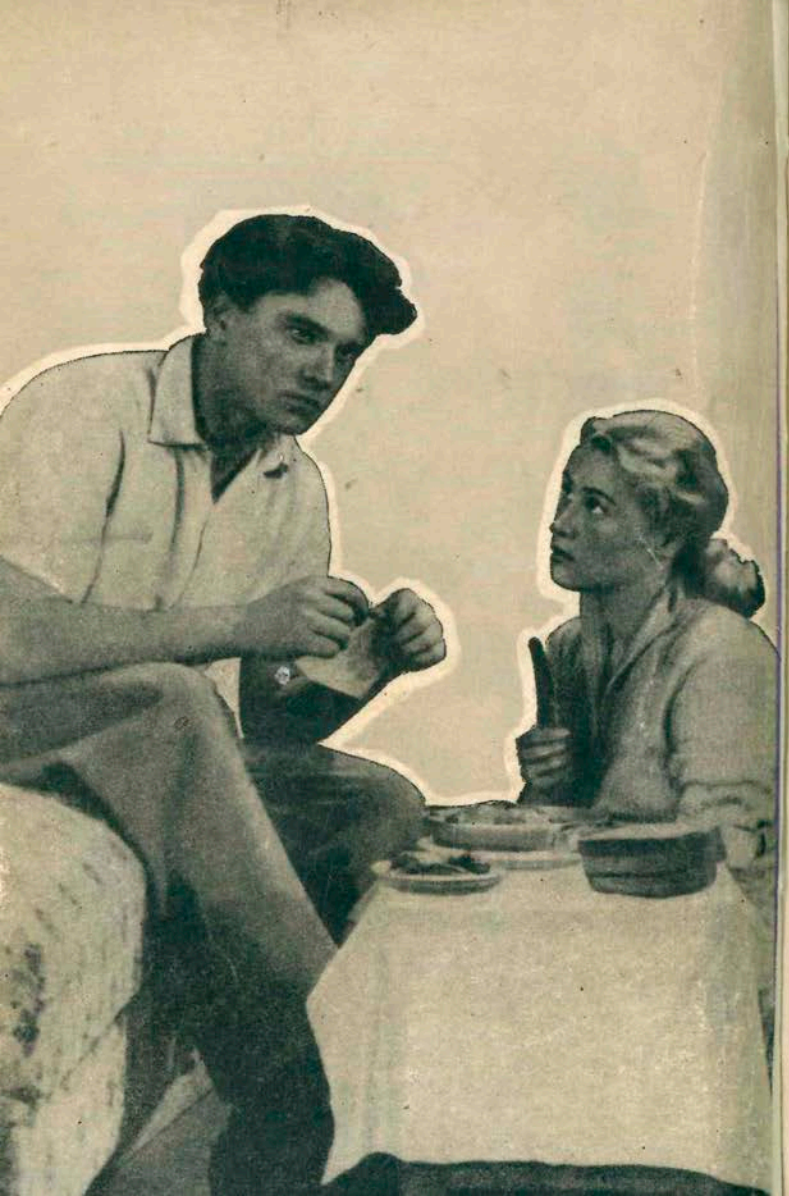
Т. Конюхова
в роли Сони Орловой.

Драматург и киносценарист **Яков Владимирович Смоляк** родился в 1915 году на Украине в г. Днепропетровске. Окончив среднюю школу, он вступил в труппу днепропетровского Театра юного зрителя, где параллельно с учебой — вначале в студии при театре, а потом на заочном факультете Киевского театрального института — работал актером и режиссером. Играл в театрах Севастополя, Днепродзержинска, Харькова. Служил моряком на Черноморском флоте.

Писать начал в 30-е годы. Вначале это были рассказы, очерки, стихи, которые печатались в газетах и журналах. В 1932—1941 годах появились его пьесы: «Урод», «Коричневая империя», «Самое главное», «Необычайные приключения».

Во время Великой Отечественной войны Я. Смоляк служил в армии политработником, потом корреспондентом армейских газет. Вместе с частями 13-й армии он прошел путь от Ельца до Берлина. Несколько раз был ранен. Награжден орденами и медалями.

После окончания войны вернулся к литературной работе. Написал несколько театроведческих работ и пьесы: «Поручик Ромашев» (по А. Куприну), «Гроза над Россией», «Без грима», «Клевета», «Яблоневая ветка» (в содружестве с В. Добровольским).

В кинематографе начал работать с 1953 года. Киносценарии «Об этом забывать нельзя», «Разные судьбы» и пьеса «Опасная игра» написаны Я. Смоляком совместно с Л. Луковым.

Цена 2 р. 65 к.